

СМЕНА

6

1959

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Домин, в котором 1 апреля 1809 года родился Н. В. Гоголь.
Рисунок с натуры художника А. Лаврова. 1939 год.

В ВЕЛИКИХ СОРОЧИНЦАХ

Мемориальный музей Н. В. Гоголя
в Великих Сорочинцах.

В широкой долине извилистого Псла, берега которого густо поросли лесами, раскинулось село Великие Сорочиницы. Здесь в доме врача Трахтвенковского 1 апреля 1809 года родился Н. В. Гоголь. Березно сохранила жители села этот домик. В 1929 году в нем был открыт музей, где экспонировались многочисленные материалы: первые издания книг Гоголя с его автографами, письма и рукописи писателя. Но в 1943 году гитлеровцы разграбили и сожгли музей. Колхозникам удалось спасти лишь отдельные экспонаты.

В 1950 году на месте сгоревшего домика было построено новое здание музея. В пяти просторных залах размещены материалы, освещающие жизненный и творческий путь великого русского писателя. Особую ценность представляют документы, принадлежавшие Гоголю, его рисунки и личные вещи. Как известно, Гоголь с юношеских лет увлекался рисованием и проявлял немалый интерес к архитектуре; им даже был составлен проект перестройки родительского дома. Среди рисунков — два архитектурных наброска чернилами, сделанных, по-видимому, во время пребывания в Риме, два женских портрета, восточных весенних цветов подснежников (анакрел). Трогательной любовью к родному краю пронизана гоголевская записка живописцу украинского угла. С большим мастерством выполнен найденный в бумагах Гоголя набросок пером — немая сцена из «Ревизора».

Из вещей, принадлежавших Гоголю, в музее можно увидеть его цилиндр, шейный шелковый платок, портфель, иконовый дорожный чемодан и два жилета.

Один из немногих сохранившихся рисунков Н. В. Гоголя — архитектурные детали. (Набросок пером.)

Памятник писателю в его родном селе. На пьедестале начертано: «Великому земляку».

Личные вещи Н. В. Гоголя: цилиндр, иконовый чемодан, жилет и шейный платок.

Великосорочинский музей располагает уникальным книжным фондом. Здесь имеются книги из бывшей библиотеки Неминской гимназии, по которым учился Гоголь, например, «Французская грамматика» (1822 г.), «Плат риторик», составленный д-ром Плером (1791 г.), Сочинения Софюла на латинском языке (1822 г.). Особый фонд составляют собранные в музее многочисленные издания произведений Гоголя, свидетельствующие о его огромной популярности и величайшем значении для народов Советского Союза и всего прогрессивного человечества.

Внимание посетителей привлекают картины и иллюстрации и

произведениями гениального писателя дореволюционных и советских мастеров изобразительного искусства — И. Репина, Я. Турбина, П. Корovinа, И. Грабаря, Кузьмиников, С. Герасимова, Е. Кибрика и других художников.

В экспозиции музея широко представлена скульптура. Образы гениального писателя-сатирика и созданных им героев запечатлены в бронзе, дереве, гипсе советскими скульпторами С. Меркуровым, П. Уляновым, К. Ковалевым, Н. Андричуком, Б. Воробьевым, К. Кузнецовым и Р. Андреевым. Литературно-мемориальный музей Н. В. Гоголя в Великих Сорочинцах ежегодно посещают тысячи экскурсантов, приезжающих из всех уголков нашей страны, а также из стран народной демократии.

Г. КУНДИРЕНКО,
научный сотрудник мемориального музея Н. В. Гоголя
в Великих Сорочинцах.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный
и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ
Март. № 1. 1959 год.

Год
издания
36-й

Всё для человека

С тремлетен бег истории.

Давно ли, кажется, ушли шлоны на восток, и тысячи молодых энтузиастов, охваченных страстной мечтой украсить родную землю, возводили Комсомольск-на-Амуре? Давно ли на том месте, где сейчас возвышаются корпуса Кузнецкого металлургического комбината, был пустырь? Давно ли звучал призыв: «Выполним первую пятилетку в четыре года!» Уралмаш, Магнитка, новые шахты в Кузбассе, мощные огни Днепрогэса — все это стало явью, все это, кажется, было совсем недавно и вместе с тем давно. Недавно — потому что очень невелик промежуток времени, который отделяет нас от той поры; давно — потому что великое множество дел совершил советский человек за эти годы.

И вот новый взлет — семилетка. Поистине чудодействена энергия людей, направленная к великой цели!

Семилетка — это путь к коммунизму, это ленинизм в действии.

Грандиозная программа, намеченная на XXI съезде КПСС, зажгла миллионы сердец. Эта программа выражает великие чаяния народа, она направлена к тому, чтобы еще краше стал наш советский дом, чтобы люди жили в нем лучше, достойнее прежнего.

Ради человека повышается выплавка чугуна и стали, растет добыча угля и нефти, увеличивается выработка электроэнергии, строятся новые шахты и домы, заводы, фабрики. Тяжелая индустрия — основа основ народного хозяйства. Сталь и уголь, электроэнергия и нефть обернутся новыми умными машинами, новыми жильными домами, школами, детскими садами и яслями, больницами, клубами и театрами, в СССР будут самый короткий в мире рабочий день и самая короткая рабочая неделя. Около 15 миллионов квартир получат советские люди за семилетие в городах и рабочих поселках, поселках совхозов, ПТС иеспромхозов; в сельской местности будет построено около 7 миллионов жилых домов. Капитальные вложения, направляемые в строительство учреждений здравоохранения, социального обеспечения, физкультуры и спорта и в медицинскую промышленность, составят более 25 миллиардов рублей. Великой заботой о человеке, о его счастье проникнута каждая цифра семилетнего плана.

Советский народ, окрыленный величайшими перспективами, охвачен единым желанием — приблизить сроки выполнения семилетки. Вместе со всем народом в первых рядах строителей коммунизма шагает верный помощник партии — комсомол. Ленинский комсомол, не раз доказавший силу и творческий размах своих устремлений, взял шефство над сооружением ста крупнейших предприятий ведущих отраслей промышленности. Он будет шефствовать и над созданием десяти опытно-показательных комплексно-автоматизированных предприятий. Миллион юношей и девушек по комсомольским путевкам отправится в ближайшее время на освоение богатств Сибири, Севера, Дальнего Востока, Казахстана. Тысячи бригад коммунистического труда возникли в стране. Советская молодежь полна неукротимого стремления дерзать, творить вместе с народом, во имя народа, для его счастья, она полна желания своим трудом воплотить самую светлую мечту человечества — коммунизм.

На берегу Днепра вырос большой город с прямыми, как стрела, проспектами, белоснежными домами, зеленой набережной. Это Новая Каховка. Здесь, в порту, встречаются речные лайнеры, идущие к Киеву, Днепропетровску, Запорожью, Херсону...

Фото Е. Халдея.

Среди материалов, которыми пользуется человек для своих нужд, как производственных, так и бытовых, первое место занимают черные металлы — чугун и сталь. По выплавке чугуна и стали судят об уровне развития страны, ее экономической и оборонной мощи. Царскую Россию не случайно называли «коLOSSом на глиняных ногах». По производству металла она значительно отставала от других капиталистических государств. Владимир Ильич Ленин, характеризывая состояние дореволюционной России, писал: «Относительно железа — одного из главных продуктов современной промышленности, одного из фундаментов, можно сказать, цивилизации — отсталость и дикость России особенно велики».

В 1913 году на долю России падало лишь шесть процентов мирового производства металла. Годы империалистической войны, иностранной интервенции и гражданской войны еще более ослабили страну. В 1920 году Советская Россия имела не шесть процентов мирового производства металла, а шесть процентов от этих стран. Достаточно сказать, что из 82 доменных печей юга страны лишь теплится только в одной...

Развитие металлургии стало важнейшей экономической и политической задачей молодого Советского государства, и Коммунистическая партия начала грандиозную битву за металл. Следует сказать, что за рубежом мало кто верил, что Советский Союз в короткий срок сумеет выиграть эту битву. Но число скептиков сокращалось по мере того, как в строй входили все новые и новые гиганты советской металлургии: Магнитогорский и Кузнецкий комбинаты, заводы Криворожский, «Запорожсталь», «Азовсталь», Нижне-Тагильский и другие. Следуя заветам великого Ленина, Коммунистическая партия настойчиво проводила генеральную линию на индустриализацию страны. В невиданные

сроки была создана мощная тяжелая индустрия. Промышленность СССР одержала черную победу, несмотря на то, что за сорок один год Советской власти наш народ лишь немногим более двадцати лет мог осуществлять мирное строительство. Остающиеся годы советским людям пришлось пережить названные империалистами войны или восстанавливать разрушенное этими войнами хозяйство. И все-таки победа была достигнута!

Из года в год увеличивается удельный вес Советского Союза в мировом производстве чугуна и стали, в то время как удельный вес США, Англии и Франции уменьшается.

Советский Союз по производству черных металлов значительно опередил все европейские страны и прочно занял первое место в Европе и второе место в мире после США. Советский Союз уже обогнал США по темпам роста производства черных металлов и по абсолютному среднему годовому приросту.

Поистине грандиозны контрольные цифры развития народного хозяйства: на 1959—1965 годы, утвержденные XXI съездом КПСС. Они разработаны на основе программы, изложенной Н. С. Хрущевым на юбилейной сессии Верховного Совета СССР. Перед нашей промышленностью открылись новые величественные перспективы. Дальше разработала генеральный план дальнейшего бурного подъема черной металлургии. На чем же основывается реальность этого плана!

Чтобы иметь металл, нужно прежде всего добыть железную руду, которая является основным исходным сырьем для черной металлургии. Этой рудой Советский Союз очень богат. По количеству разведанных запасов железных руд наша страна занимает первое место в мире и превосходит США, Англию, Францию и Федеративную Республику Германии, вместе взятые, в 3,3 раза!

Добыча железной руды за годы Советской власти выросла с 9,2 миллиона тонн в 1913 году до 88,8 миллиона тонн в 1958 году. В настоящее время по добыче железной руды наша страна занимает первое место в Европе и второе в мире. В конце семилетия Советский Союз будет ежегодно добывать 150—160 миллионов тонн железной руды и значительно превзойдет современные уровни добычи руды в Соединенных Штатах Америки.

Из руды получают чугун, являющийся важнейшим видом продукции черной металлургии. Когда начинают анализировать состояние черной металлургии в стране, то в первую очередь обращаются к цифрам, характеризующим производство чугуна. В черной России чугуна выплавлялось очень мало — 4,2 миллиона тонн, то есть в 2,5 раза меньше, чем в Англии. За годы Советской власти производство чугуна в СССР увеличилось почти в 9,5 раза. Достаточно сказать, что один Магнитогорский комбинат производит в настоящее время за год чугуна, стали и проката больше, чем производила вся черная Россия. Сейчас в СССР чугуна производится больше, чем в Англии, Франции и Бельгии, вместе взятых.

В 1965 году в Советском Союзе будет произведено 110 миллионов тонн чугуна. Наша страна достигнет уровня современной выплавки чугуна в главной стране капитализма — Соединенных Штатах Америки.

Основная масса чугуна идет на производство стали. Выплавка ее у нас выросла с 4,2 миллиона тонн в 1913 году до 55 мил-

лионов тонн в 1958 году. Если превратить такое огромное количество стали в рельсы, то их с избытком хватало бы на прокладку железной дороги от Земли до Луны! По производству стали Советский Союз сейчас занимает первое место в Европе и второе в мире, выплавляя ее столько же, сколько страны с развитым сталеварением, — Англия, Западная Германия и Италия, вместе взятые. Выплавку стали предусмотрено довести в 1965 году до 86—91 миллиона тонн. Таким образом, СССР почти вплотную приблизится к уровню современного производства стали в Соединенных Штатах Америки.

Чтобы достичь намеченного уровня производства черных металлов, в Советском Союзе будет осуществлено огромное капитальное строительство. Объем капитальных вложений только на производственное строительство предприятий черной металлургии на 1959—1965 годы установлен в размере около 100 миллиардов рублей, что в 2,4 раза больше, чем в предыдущее семилетие.

Начем-то построить и вести в действие новые производственные мощности по выплавке чугуна — на 24—30 миллионов тонн, по выплавке стали — на 28—36 миллионов тонн и по производству проката — на 22—29 миллионов тонн!

В семилетии намечается ускоренное развитие восточных районов страны, где за счет низкой себестоимости железной руды и топ-

лива можно получить самый дешевый чугун. Удельный вес этих районов в общесоюзном производстве резко возрастает и составит в 1965 году по выплавке чугуна примерно 44 процента, выплавке стали — 48 процентов и по производству проката — 49 процентов. По решению XX съезда партии на востоке уже началось создание третьей металлургической базы СССР. С вводом в действие новых заводов — Карагандинского, Западносибирского, Ташкентского и — расширением Кузнецкого комбината уже в текущем семилетии третья металлургическая база будет иметь мощности по производству примерно 9 миллионов тонн чугуна в год.

Черная металлургия будет успешно развиваться во многих союзных республиках. В РСФСР ведущее место по производству черных металлов сохранят районы Урала. Значительно увеличатся мощности Магнитогорского, Орско-Халиловского и Нижне-Тагильского комбинатов, Челябинского металлургического, Саянского и Челябинского трубных заводов, завершится строительство первой очереди Качканарского горнообогатительного комбината. О масштабности роста уральской металлургии можно судить хотя бы по тому, что лишь одна Челябинская область в 1965 году будет выплавлять чугуна больше, чем все нынешняя Франция.

Будут широко развернуты работы по освоению железорудных месторождений Курской магнитной аномалии. Завершится строительство Череповецкого металлургиче-

ского завода, значительно расширится Новолипецкий металлургический завод.

По Украинской ССР ставится задача обеспечить быстрый рост железорудной и марганцевой добывающей промышленности, намечается строительство шести крупных горнообогатительных комбинатов в Криворожском и Кременчугском железорудных бассейнах. Будет расширен Камыш-Бурунский комбинат. Эти мероприятия позволят увеличить добычу железной руды в Украинской республике за семилетие в 1,6 раза.

Значительное развитие черной металлургии намечается в Казахской ССР. Казахстан станет крупным производителем чугуна, стали, проката и железной руды. Будет закончено строительство Карагандинского металлургического завода в Темир-Тау, введен в действие крупнейший в стране Соколовско-Сарбайский горнообогатительный комбинат производительностью 19 миллионов тонн железной руды в год, который обеспечит сырьем черную металлургию Урала и Казахстана. Один этот комбинат будет давать руды столько же, сколько добывают ее в ФРГ.

Предстоящее семилетие в черной металлургии будет отмечено дальнейшим технико-экономическим прогрессом. Намечается строительство мощных механизированных и автоматизированных металлургических агрегатов, оснащенных новейшей современной техникой. Доменные печи будут строиться полезным объемом более 2 тысячи кубических метров, мартеновские печи — емкостью 500 тонн. Настоящие гиганты! Одна такая доменная печь даст столько же чугуна, сколько целый металлургический завод средней мощности.

В доменном и сталеплавильном производстве получат широкое применение кислород и природный газ, что ускорит металлургические процессы. Немного повысит производительность сталеплавильных цехов и значительно облегчит труд сталеплавильщиков непрерывная разливка металла.

По использованию мощностей металлургических агрегатов СССР давно обогнал передовые капиталистические страны, в том числе и США. В ближайшие годы это опережение будет еще больше.

А

Значительно повысятся технико-экономические показатели работы предприятий черной металлургии. Будет улучшен коэффициент использования полезного объема домен. Увеличится съем стали с одного квадратного метра площади пода мартеновских печей.

Планы, намечаемые Коммунистической партией, реальны, так как они опираются на трудовую энтузиазм и творческую инициативу народных масс. Об этом ярко говорят те успехи, которые достигла наша металлургия в первые месяцы начавшегося семилетия. План января—февраля 1959 года по производству чугуна, стали и проката перевыполнен. За два месяца сверх задания добыто почти 40 тысяч тонн железной руды, выплавлено более 62 тысяч сверхплановых тонн чугуна и свыше 130 тысяч тонн стали.

Среднеуточное производство в январе—феврале 1959 года по стали, прокату и трубе почти достигло уровня, установленного годовым планом всего 1959 года. А по чугуну этот уровень уже превзойден.

...Суховаты колонии цифр. Но иные цифры красноречивее любых слов. Прогрессивный американский писатель Альберт Кан написал о нашем семилетнем плане: «Цели, поставленные в семилетнем плане, даже когда они выражены языком цифр, поражают воображение. Сами по себе эти статистические данные символизируют поразительные успехи советских народов, достигнутые в борьбе с огромными трудностями».

Фото А. Гаранина.

Да, наши успехи поистине поразительны. Грандиозна и одна из важнейших задач, поставленных XXI съездом КПСС: в исторически кратчайший срок достичь и превзойти уровень производства черных металлов в США.

Задача будет решена. Существует твердая основа для выполнения семилетнего плана по производству чугуна, стали и проката. В предстоящем семилетии черная металлур-

гия СССР, как и раньше, будет развиваться темпами, во много раз превышающими темпы развития этой отрасли в главных капиталистических странах, в том числе и в Соединенных Штатах Америки. А это значит, что Советский Союз одержит новую крупную победу в мировом экономическом соревновании двух систем.

С. ФИЛИПОВ,
старший экономист Госплана СССР.

СЕМИЛЕТКИ

ЧАРДЕЙ РУССКОГО СЛОВА

К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Н. В. ГОГОЛЯ

Николай Васильевич Гоголь — писатель истинно русский, и любовь его к России настолько велика и проникновенна, что и в наши дни она горит все тем же немеркнущим пламенем. Любовь эта видна в каждой строке, в каждом слове; и в глубоко народных повестях, так чудно рассказанных Гоголю жителям Диканьских хуторов псалмистом Рудым Паньком, повестях, в которых впервые глубоко и психологически верно показаны быт и характеры простых людей; в диалогах, то скупых и точных, то пространных и щедрых, похожих на задумчивую беседу или на откровение друга; и в портретах героев, нарисованных смелой рукой художника, — со страниц книги они встают, как живые; и, наконец, в лирических, согретых теплотой любящего сердца отступлениях, в которых писатель с сыновней лаской то обращается к русскому человеку, то восторгается просторами родной земли, то сравнивает Русь с лихой чудо-тройкой, несущейся в даль веков...

Как же тут не вспомнить чарующие своей поэтичностью строки: «Русь! Чего ты хочешь от меня? Какая неистовская связь таится между нами? Что гладыш ты так, и знала все, что ни есть в тебе, образило на меня полные охидания очи!.. И еще, полный недоумения, недопонимания стою я, а уже главу осенило грозное облако, тяжелое градущими дождями, и онемела мысль перед твоим простором. Что пророчит сей необъятный простор? Здесь ли, в тебе ли не рождается беспредельно, когда ты сава без конца? Здесь ли не быт богатырь, когда есть место, где развернуться и пройтись ему? И грозное обьявляет меня могучее пространство, страшною силою отразив во глубине моей; неестественной властью осветивши мои очи: у! какая сверкающая, чудная, незнакомая земля далась Русь!»

Удивительным свойством гоголевского таланта является умение так счастливо соединять необыкновенную красоту и простоту письма с ясностью мысли, что перед нами весомо и зримо встают и степные пейзажи, и затерявшиеся на просторах Руси села, и лица людей. Чародей русского поэтического слова рисует такие неповторимые картины, и открывает такие самобытные характеры, и так захватывает вас свое внимание, что оторваться от книги невозможно. Достаточно хотя бы один раз прочитать «Мертвые души», как в памяти вашей навсегда останутся не только вид степи, по которой катится бричка Чичиковых, но только унылый вид деревень, украшенной Россия, и кучер Семенов, и открывающиеся вдали холмы, и помещика Коробочка со своим двором, полным всякой живности, и Ноздрев, которому без чудачества скучно жить, и Манuilов со своими сахарными глазами.

А вспомните, какими смелыми мазками нарисованы миргородские старожилы Иван Иваныч и Иван Никифорович! Сколько тут поэзии, сколько живого, сколько гнетущей тоски и грусти! Мы видим не только чудеснейшую бекушу Ивана Иваныча, у которой отличнейшая смушка, «сизая с морозом», не только голубы пососколько неударочно вальсы, нет, перед нами живые люди, настоящие знакомы. А Тарас Бульба! Этот волюнтерный рыцарь, мужественный и бесстрашный воин давно уже стал олицетворением доблести и стойкости русского характера. А разногласия и пестроты, что никогда рождает! Тут что ни шаг, то и портрет, и такой, что никогда не выгладишь в памяти. Оттого-то все написанное Гоголем волнует нас и живет в нас: от обездоленного, забытого жизнью Аккия Акакиевича до торжественного восклицания: «Чудный город Миргород! Каким в нем нет створений Роскошью!»; от описания печальной заставки с Блудкой, в которой мыслила чинил серые доспки свине, до выражающегося на опаленного тоской гоголевского сердца: «Скучно за этого свете, господа!»

Мы читаем гоголевскую прозу, как стихи, как песню. В чем же ее сила? В чем ее чарующая прелесть? В том, главным образом, что Гоголь по складу своей души — поэт и поэтически владеет его необычайно широким и многогранным. Оттого и слова его полны звуком, в них мы слышим музыку, ее тончайшие тона и оттенки — от самых твердых и звонких до самых нежных и мягких. Рядом с поэзией Пушкина родился на Руси поэт гоголевской прозы. Из глубы народного говора поэт взял все лучшее, чем богата русская речь, и доказал, какая большая сила таится в русском языке, независимо от того, написаны ли стихи, торжественные оды или повести, рассказы. Об этой силе сам Гоголь говорит так: «Нет слова, которое было бы так заманчиво, бойко, так выразило бы из-под самого сердца, так как кипело и животрепещало, как метко сказанное русское слово».

Именно такие слова всегда полны жизни, они не стареют, краски их не меркнут, не тускнеют. Даже время точно пролетело мимо них. Ведь прошли годы, и какие годы! Незнаваемо изменилась Россия, о которой то в восторге, то с легкой неулыбкой вспоминал Гоголь. В наше слово время выросли такие люди, какие Гоголь не знал и, разумеется, не мог знать, а поэтическая речь писателя не утратила своей первоначальной красоты.

Через целое столетие голос поэта пришел и нам все такой же звонкой и свежий.

Семён БАБАЕВСКИЙ

Вот они, солисты самодельного ансамбля — Нина Ильиченко и Мария Иконть.

ВЕЧЕРНИЦЫ В ДИКАНЬКЕ

Фото М. Муразова.

В час, когда над Диканькой повисает бледный серп месяца и в свои права вступает восстающая Гоголем украинская ночь, начинаются в поселке вечерницы. В этот час к райкомному Дому культуры спешат парубки и девушки. Смех, гомон, песни далеко разносятся над площадью.

В репетиционных комнатах Дома культуры оживление: готовится очередной концерт. Украинские венки, в цветных клетчатых платках, с серебряными повязками на шее, девушки заполняют зал. Нина Ильиченко, солистка самодельного ансамбля, запевает:

Диканьчанин вранцы
В поле працювали,
На своей делянці
Дружно засіявали,
Залучили жуки,
Ніччяні, молодці,
Про виступи мій руні
Листопад Марин...

Песня рассказывает о Герое Социалистического Труда Марии Листопад, диканьской сиварке, которой гордятся в районе. Автор песни — баиянт тащевского ансамбля Никола Титаренко, застенчивый парен с открытым ли-

цом... Его друг и соавтор Никола Пойдемченко — преподаватель местного зооинженерного техникума — часто выступает на диканьских вечерах с чтением своих стихов. Много талантливых, чудесных людей можно встретить на диканьских вечерницах! Верно подметил Гоголь, создавший поэтические образы живописца Ваклула и веселого песенника Леона, замечательную черту даровитого украинского народа — его неумное влечение к искусству.

В самом центре поселка, в сквере, стоит памятник Гоголю; писатель в развевающейся крылатке смотрит с высокого постаamenta вдаль. Это работа скульптора-самоучки Леонида Ильиченко, произведения которого побывали на выставках в Полтаве и Киеве и были высоко оценены известными мастерами. Не так давно в Диканьске, близ Дома культуры, состоялось торжественное открытие памятника Тарасу Шевченку, над которым Леонид Ильиченко проработал несколько лет. В мастерской молодого скульптора, расположенной в Доме культуры, всегда делал диканьские школьники учатся

у своего земляка искусству ва-
яния. Но Ильченко знают в Ди-
каньке не только как скульптора,
он директор местного самодель-
ного театра.

В этом театре десятки арти-
стов-любителей. Один из лучших
любительских спектаклей — «Бог-
дан Хмельницкий» — был показан в
Полтаве на смотре художествен-
ной самодеятельности. В Дикань-
ке создалась настоящая школа на-
ционального театрального искус-
ства, во главе которой стали сто-
лар Григорий Иванович Андренко
и его друг Иван Никифорович Ко-
дак. У них обучается мастерству
талантливая молодежь: десяти-
классница Тая Лапур, контролер
сберкассы Мария Кикоть, пионер-
жолата Гаина Бородай, работни-

ца больницы Зина Жовновата, ко-
чегар Юрий Ус и многие другие.

В хореографическом кружке,
которым руководит Нина Ильчен-
ко, занимаются многие диканьские
парубки и девчата. Начинать заня-
тие с азов Нине не приходится: на
Украине сизмалства люди обу-
чаются танцам... Да и нарядов для
выступлений не надо заказывать:
у каждого в скриньке дома, храни-
тся для торжественного случая вы-
шитые сорочки, чоботы, черевич-
ки...

Искрившее веселье царит на ди-
каньских вечерниках в Доме куль-
туры. Не поймаешь, где артист, где
зритель, потому что тот, кто не
выступает сегодня, выступал вчера
или будет выступать завтра. До-
статочно провести здесь хотя бы

Чудесны по своей красочности, лихости, без-
удержному веселью народные танцы Украины!

одни вечер, чтобы понять одну
простую истину: там, где есть по-
длинные энтузиасты самодеятель-
ности, не нужны штатные танцоры
и «судесители». И без них весело.

Подлинно народный смотр са-
модеятельности происходит в мае,
когда зацветает сирень в знамени-
той на всю Полтавщину дикань-
ской роше. Так и называется этот
веками существующий праздник:
«Сиреневая роша». Тысячи людей
на автомобилях, пешком, в теле-
гах, запрежженных волами, движут-
ся в эти дни к Диканьке. У самой
роши таборами располагаются се-
ла. Ночами, не смолкая ни на ми-
нуту, звенят э импровизированных
эстрад песни, частушки, сложен-

ные местными поэтами. Каждый
район соперничает с соседним и
привозит на «Сиреневую рошу»
свои песни, танцы, спектакли. Вот
уж когда вечерники так веселит-
ся!

Богата дарованиями Полтавщи-
на, которой так восхищался еще
Гоголь. В годы Советской власти
расцвели на этой земле таланты,
долгое время таившиеся под спу-
дом. Ключом забил неиссякаемый
родник народного творчества... И
в каждом селе на вечерниках раз-
дольно звучат песни о родной Ук-
раине, о новой, счастливой жизни,
о великом братстве народов.

В. СМІРНОВ

с. Диканька.

«За власть Советов» — так называется новая ра-
бота скульптора-самоучки Леонида Ильченко.

Сцена из спектакля самодеятельного
диканьского театра «Сорочинская ли-
марка». Сологий Червук (справа) —
Иван Нодан, нуш Цыбуля — Григорий
Андренко.

Мелкая сцена в спектакле «Ревизор». Рисунку, приписываемый И. В. Гоголю.

Университет актерского мастерства

Игорь ИЛЬИНСКИЙ,
народный артист СССР

дин. В этом легко убедиться, внимательно прочитав его «Предупреждения для тех, которые пожелали бы сыграть как следует «Ревизора». И потому всем молодому участникам театральной самодеятельности, обращающимся ко мне с вопросом, как нужно играть Хлестакова и Городничего, я неизменно отвечаю: читайте внимательно Гоголя — у него все сказано. «Больше всего надобно опасаться, чтобы не впасть в карикатуру, — пишет Гоголь, — чем меньше будет думать актер о том, чтобы смешить и быть смешным, тем более обнурируется смешное взятой им роли. Смешное обнурируется само, собою именно в той серьезности, с какою занято своим делом каждое из лиц, выводимых в комедии». Хочу рассказать еще один эпизод из моей работы над Хлестаковым. В третьем действии, знакомая с дамами, я, в пренежной постановке, выделял какие-то невероятные балетные па, соответствовавшие, как мне тогда казалось, представлением Хлестакова о светском поведении. Но,

И. В. Ильинский — городничий.

У каждого артиста есть любимый писатель, есть роли, особенно ему близкие. У Мочалова это был Гамлет, у Москвина — царь Федор, у Ермоловой — Катерина из «Грозы». Любой актер назовет вам пьесу, которая на определенном этапе творческого пути заполнила все его мысли. Для меня такой пьесой стал «Ревизор». И не только потому, что творческий облик писателя близок моим артистическим склонностям, моему призванию комика, а еще и потому, что стиль Гоголя, его приемы оказались близкими моим взглядам на природу комического.

Моя сценическая жизнь шла бок о бок с «Ревизором», и по

опыту могу сказать, что Гоголь как драматург неисчерпаем по своей глубине. Сколько бы я ни играл Хлестакова, я каждый раз нахожу в этой роли новые, неиспользованные детали.

Вспомню один из эпизодов работы над этим образом. Хлестаков, по словам Гоголя, «лжет с чувством... Это вообще лучшая и самая поэтическая мимика в его жизни — почти род вдохновения». В одной из сцен Хлестаков говорит: «Там у нас и вист свой составился: министр иностранных дел, французский посланник, английский, немецкий посланник и я». Крепко подвел Гоголь своего героя! В вист играют, как известно, четверою. Хлестаков же в

пылу увлечения перечислил всех четырех вистующих, указывая на места за картонным столом, а себя еще не назвал. Он чувствует, что попался, но уже поздно... И он с испугом добавляет упавшим голосом: «...и я».

На этот гоголевский подтекст я обратил внимание только через несколько лет после того, как начал играть Хлестакова. С этого времени я стараясь отметить в игре удивительную авторскую находку.

Гоголь чрезвычайно драматургичен. Недаром его современники отмечали, что никто так мастерски не умел читать свои произведения, как он сам. Гоголь — лучший режиссер собственной коме-

режиссура, на мои танцевальные выкрутасы, зритель отключался и на какой-то миг забывал о том, что происходит на сцене. Только спустя годы я неожиданно обратил внимание на удивительный юмор двух соседствующих фраз Хлестакова: «Возле вас стоять уже есть счастье; впрочем, если вы так уж исправно хотите, я сяду». И я сразу переделал эту сцену: галантно расшаркавшись перед дамами, полупьяный Хлестаков опускается в крес-

Рисунки
В. Косурькинова
и Ю. Рыжика.

«И канюй же русский не любит быстрой езды?»
(«Мертвые души»).

«...он, бачь, яна каня намалевана!»
(«Ночь перед рождеством»).

сло, но, не сознавая этого, сидя, проносит самым учтивым тоном: «Воле вас стоять уже есть счастье...»

Такую деталь мог создать не только первоклассный драматург, но и подлинный режиссер, тончайшим образом чувствующий законы сцены.

Именно поэтому мне так близки взгляды Гоголя. Вопреки своей репутации «чистого комикка» я считаю, что комедия — дело серьезное. Она жестоко мстит каждому, кто вздумает выкидывать легкомысленные колесца, кто задается целью смешить зрителя, выставляя в глупом виде героя, не проникшись его подлинными чувствами и мыслями.

«Чем более исполняющий эту роль покажет чистосердечия и простоты, тем более он выиграет», — замечает Гоголь по поводу Хлестакова. Роль эта требует полной отдачи актерской страсти и непрелюбной веры в те положения, в которые драматург ставит актера. «Без правды и веры» Хлестакова не сыграть! Гоголь требует от актера как раз того же, за что ратовал и великий мастер сцены К. С. Станиславский: «Правды и веры».

Гоголь удивительно знал и чувствовал театр, и поэтому для каждого артиста нет большего наслаждения, чем играть в его пьесах. Характеры его героев выпуклы, речь ярка и образна, сце-

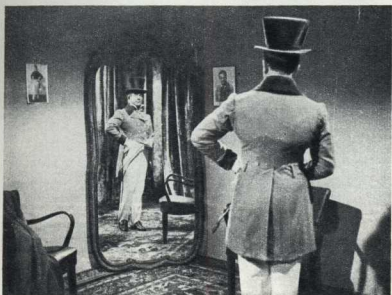
нические ситуации правдивы и убедительны. Мы, актеры, мечтаем о пьесах, в которых есть подлинный драматургический материал, где артист может развернуться по-настоящему и показать свои возможности. «Ревизор» — это вершина драматургии, университет актеров мастерства! Все, без исключения, заочно в его пьесах, начиная от ремарок и кончая знаками препинания, последовательностью слов во фразе, многоочком, каждой паузой. За всем этим скрывается талантливая выдумка, неожиданный и тонкий замысел.

Эти детали становятся ясными при глубочайшем проникновении не только в свою роль, но и в роли других актеров — партнеров по сценам. Особенно остро я познал это, когда волею творческой судьбы стал... своим собственным партнером в «Ревизоре». Недолгий, правда, период я играл поочередно и гордичинцем и Хлестакова. И именно тогда почувствовал, что надо изменить в моем Хлестакове, чтобы не мешать никому же гордичинцу. И наоборот.

Я понял, что так же досконально, как собственную роль, надо изучить и роли своих партнеров. Только тогда каждый исполнитель будет «удобно» чувствовать себя в роли и не поставит в ложное положение своих партнеров по ансамблю. Невозможно вспоми-

«Воле вас стоять уже есть счастье...» В роли Хлестакова И. В. Ильинский.

Перед съемкой фильма «Мастера Малого театра». Игорь Ильинский в роли Хлестакова.

нается мудрое замечание знаменитой нашей актрисы О. О. Садовской: «Ты мне кричишь, я тебе петьку!»

А как ярко и сочен язык гоголевских героев! Один из прославленных наших критиков, В. В. Стасов, писал: «С Гоголя выдворился на России совершенно новый язык, но нам безгранично нравился своей простотой, силой, меткостью, поразительной бойкостью и бьющостью и натуре».

Точность этой характеристики я удивительно ясно почувствовал, когда стал читать произведения Гоголя с эстрады и по радио. Моя любимая повесть — «Старосветские помещики».

Казалось бы, Гоголь изобразил двух старичко-помещиков тусклыми и бесцветными: ведь они и заминались только тем, что ели и спали; но писатель озабрал эти обыденные фигуры светом своей души, своего удивительного таланта, трогательно показал по-

длино человеческое чувство их большой и бескорыстной любви друг к другу. И я стремлюсь показать Пульхерию Ивановну и Афанасия Ивановича как бы освещенными яркими лучами этой большой любви.

Нужно сказать, что искусство чтения с эстрады, пожалуй, одно из труднейших. Актер лишен здесь грима, костюма, мизансцены, декораций, помогающих в создании образа. Чтец должен мгновенно перевоплощаться, часто на протяжении нескольких строк вынужден менять интонации, подражая то Пульхерии Ивановне, то Афанасию Ивановичу...

Более ста лет назад были созданы гениальные произведения великого сатирика, а гоголевский смех звучит и сегодня. Он помогает нам осмыслить новый, светлый мир от родимых птенцов кангакама — бюрократов, подхалимов, взяточников, оккупантов и вредителей обывателей...

«Афанасий Иванович часто говорил, как будто на глядя на Пульхерию Ивановну: «Я сам думаю пойти на войну; почему же я на войну ити на войну?» (Старосветские помещики).

«Дрожь бы пропала крещеного человека при одном виде, как высоко снакало бесовское пламя!» (Пропавшая грамота).

«Вот твоя хата!» (Майская ночь).

Гоголь проявил необычайный интерес к творчеству народа, к песне. Начиная с августа 1829 года, по вечерам работал над песнями на хуторе близ Динкиных, он буквально осязал своих родных, близких просиблив, ставил ему «вечлещище из одолженней» — запели и обыграны «малороссины», «сидни, песни, а также «о колыдаж», о Иване Кунале, о рукасини».

Вскоре в руках Гоголя оказался огромный материал, собранный попутно из пересинки, еще в 1834 году одних только песен в него было подсчитано, например, как говорил писатель, «это звонкая, живая летопись народной, в которой был бы страстный собиратель народной поэзии. Многие из того, что собрал Гоголь, было впоследствии издано исследователями его творчества».

Но ни одному литературоведу не удавалось найти до сих пор хотя одну рукопись, наряду с тем, что он, записанную самим Гоголем. Исследователи пришли к выводу, что песни эти пропали. Известно, что многие ценные материалы из наследия писателя передано не только такелу, но полную лишний песни, исчезли бесследно. Автор этой статьи заданна целью отыскать исторические песни, записанные Гоголем, хотя надежда да все, следуй примеру noteworthy исследователей, и обратится к архиву знаменитого собирателя песен Петра Васильевича Киреосенского, которому Гоголь отдал записанные песни. Несколько месяцев я занимался с архивом, насчитывая десятки тысяч листов, Новых подлинных текстов Гоголя в архиве не оказалось. Что же еще одна неудача?

Для сверки некоторых материалов мне пришлось обратиться к письмам Гоголя, которые хранятся в отделе рукописей библиотеки имени В. И. Ленина. В руни мне попала одна из папок, под номером третьим. На обложке ее было написано: «Сборник украинских песен. Препишутельные исторических о запорожцах. Список в 1833 году. Рукою Гоголя и других лиц».

В первые минуты я не поверил своим глазам. Мелькали листы со столь знакомым почерком писателя. Да ведь эти те песни, которые и искал! Как мне они попали сюда? Ведь эти архив исследователи ученые. Они буквально переворачивали все рукописи...

А ჩინი престо отгваривался. Два года назад сотрудница библиотеки Анна Вагановна Аскарнич занималась разбором архива художника А. А. Яназова, близкого друга писателя, обнаружив страницы, позабывшиеся ей странички. Эти странички были исписаны четким, аккуратным почерком Николая Михайловича Гоголя. Анна Вагановна передала свою находку в архив Гоголя. Там родился «папка № 3».

В исполнение ученых так тщательно изучили наследие Гоголя, что нечего было злугдывать. Два года пролежали песни в архиве...

И вот они передо мной — пятнадцать две песни, посвященные борьбе украинского народа за свою независимость от прорусских герцогов, о Богдане Хмельницком, атамане запорожской катане, о Моме, Наливайке и др. Обр. песен, порядок их расположения, тщательно подготовлен и начертан. Это и том, что это собрание готовилось Гоголем и что он собрал. Это и было та нига украинских исторических дум и песен, о которой мечтал Гоголь и которую не успел издать».

Новые тексты позволяют еще глубже проникнуть в творческую лабораторию великого писателя, обильнее представить основу многих его произведений. Ученые даже уже указывали, что поводом для создания «Тараса Бульбы» послужили украинские народные песни. Упомянуты эти не были подкреплены прямыми доказательствами. Теперь же, с обнаружением новых песен, собранных произведением Гоголя и народной поэзией становится очевидной. Герои исторической поэмы — Тарас, Остап, Андрей — канулись со страниц записанных песен о Сагаданом, Терепене, Саеве, Чолопине. Иногда писатель включал в свою повесть целые песенные строфы. Так, в сцене пленения Тараса Гоголь пишет: «...но не слышал была видно: сила одолела силу». А ведь это выражение встречается у Сербинг: «Ой и сила, сила, сила, силу подолела».

Тот, кто внимательно прочел «Тараса Бульбу», запомнит, например, описание: «Странно глядела она широко пастью, и тысячи смертей глядело оттуда. И как гринула она, а за нею следом три другие, четырехкратные, потянулись глухо-отступая земле... много наслени они горли!» По одному образу вырывает старая мать, ударила себя ностистыми руками в дряхлые перси; не одна останется вдова в Губовых, Нямирове, Черниговое и других городах». В песне «Поход на Линию» мы читаем:

У Глухову у городи стрилыцкы... в гарматы, .
 Не по одним валаченьку записавша мати.
 У Глухову у городи стрилыцкы... в ружинцях,
 Не по одним плаванценьку... плаванцэ стрилыцкы...

Танки примеров множество. Творчество народа было для Гоголя тем поэтическим кладом, откуда он черпал вдохновение и мастерство. Чудные по своей силе «вечера на хуторе близ Динкиных», суровый «Вий» и торжественный гимн героям нашего народа — «Тарас Бульба» — взяты из этой щедрой сокровищницы.

Пример Гоголя о собирателях народной поэзии, поучителен и для писателей наших дней.

П. УОВ,
 доцент МГУ

«ПЕСНИ КАК Я ВАС ЛЮБЛЮ!»

На склячке verso белой украинской хаты сидит юноша. Он слушает песню седого, как дубы, бандуриста. И кажется: как только skoнечит последний амеро, юноша обнимет слепого певца и восстановит старую, давно забытую, жизнь под Песни! Как я вас люблю, вы не могли быть без песни! Все черствые летописи, перед этими тонкими, живыми летописями! Так впечатлительно яро изобразил зна молодежь Гоголя художник А. Штурюк.

Гоголь хорошо знал и тонко чувствовал украинские народные песни. Обладая чутьем, музыкальным слухом, он еще в годы пребывания в Нежинском лицее выступал в хоре на ученических вечерах. Гоголь любил слушать пение крестьян и не раз участвовал в бескиртовых деревенских праздниках.

Вместе со своим другом этнографом и фольклористом Максимовичем и композитором Альбювем писатель принимал деятельное участие в составлении и издании сборников украинских народных песен. Его перу принадлежат также несколько статей, посвященных украинскому фольклору. В одной из них — «О малоросских песнях» — он пишет: «Это народная поэзия, живая аркаша, исполненная красой, истины, облагораживающая душу истинного народа... Кто не проникнул в них глубоко, тот еще не знает, как глубоко, то есть в пещеру, — А. Л.), тот ничего не знает о происхождении этой ветучей чашки России. Историк не должен искать в них покаяния и числа битвы или точного объяснения места верной религии; в этом отношении немоще песни, когда не тогда он захочет узнать верный быт, стихий характера, все истинные оттенки чувств, влечений, страданий, веселия, здоровья народа...». Иногда захотят сказать дух минувшего века, общий характер всего чешего и покаяния каждого частного, тогда он будет удовлетворен вполне; историк народа разоблачит перед нами самую основу вольности».

Глубокое знание народного творчества, музыкальная классика и блестящий художественный вкус помогли Гоголю правильно оценить те или иные явления украинского музыкального искусства своего времени. Вот почему он так тонко и решительно встал на защиту творчества великого Глинки и патристической оперы «Иван Сусанин».

Музыкальность Гоголя проявилась не только в отношении к народным песням, но и в его собственном творчестве. Яркая обрость и тонкая музыкальность гоголевской речи привлекали к себе жив-

мание крупнейших русских и зарубежных композиторов, удвоения их на создание высокохудожественных произведений оперного, балетного и хорового искусства.

Создавая оперу «Сорочинская ярмарка», Мусоргский писал В. В. Станюковичу: «Работай над гоголем, человеком, я добрей до мелочей, твоим этой гоголем, добрей до воплощения речей твоя в релции».

Этот творческий метод Мусоргский удачно сочетался с использованием в опере тем украинских народных песен, что дало возможность композитору яро раскрыть содержание гоголевской «Сорочинской ярмарки».

О большом влиянии произведений Гоголя на русских композиторов свидетельствует и тот факт, что поэтическое содержание «Июня перед рождеством» помогло Римскому-Корсакову найти выход из четырехкратного творческого кризиса. Композитора вдохновила жизнь украинца, идея великого обновления природы, заключенная в фантастических образах, и он создал волнующее произведение.

Особый интерес вызывает тот факт, что наибольший органического свойства с гоголевскими замеслов «Майская ночь». Эта опера была написана на голору рускую, но и зарубенную сцену. В июне 90-х годов прошлого века «Майская ночь» с успехом шла на сцене Пражского театра.

Произведения Гоголя нашли живой отклик и у многих иностранных композиторов. Достаточно назвать, что одна из лучших опер выходящего чешского композитора Дворжак, «Русская красавица», на основании гоголевско-корсаковскую трактовку сказочных и реальяных образов. Вспомогательным и то, что первая драма Гоголя и первая опера Дворжак, «Альфред», написаны на голору рускую, но не сюжет. Интересные произведения, навеянные бесспорными гоголевскими творениями, создали и другие чешские композиторы. Так, например, Моор написал оперу «Вий», поставленную в Праге 26 декабря 1903 года. На сюжет «Тараса Бульбы» сочинили одноименные балеты Глиэр и Соловьев-Седой.

Александр ЛЕБЕДИНСКИЙ

А. И. Куинджи.

Лунная ночь на Днепре.
Государственная Третьяковская галерея.

Чуден Днепр при тихой погоде, когда вольно и плавно мчит сквозь леса и горы полные воды свои. Ни зашелохнет, ни прогремит. Глядишь, и не знаешь, идет или не идет его величавая ширина, и чудится, будто весь вылит он из стекла, и будто голубая зеркальная дорога, без меры в ширину, без конца в длину, реет и вьется по зеленому миру... Нет ничего в мире, что бы могло прикрыть Днепр. Синий, синий ходит он плавным разливом и среди ночи, как середь дня, виден за столько вдаль, за сколько видеть может человекье око. Нежась и прижимаясь ближе к берегам от ночного холода, дает он по себе серебряную струю; и она вспыхивает, будто полоса дамасской сабли; а он, синий, снова заснул.

Н. В. Гоголь «Страшная месть».

И. Е. Репин. Вечерница.

Рассказ

Светлым майским вечером, выйдя на Невский, Гоголь купил большую охапку сирени и отправился к Плетневу, у которого каждую среду собирались друзья. Там Гоголь принимал радушно, а Жуковский, Вяземский, Карамзин, Дельвиг после того, как молодой писатель прочел им первую часть «Вечеров на хуторе близ Диканьки», ласково, а шутку прозвали его епачником.

Уткнув нос в душистые гроздья сирени, Гоголь идет не спеша. Да и чего спешить, когда на вечерних улицах так тихо, тепло, а небо ярко золотится тонкими полосами серебряных тучек; дышит легко, и сирень пахнет так же хорошо, как в далекой и милой Малороссии, где сейчас тоже май, чудесный, цветущий, благоуханный май!

Профессор словесности Плетнев снимал многоквартирную квартиру с просторной гостиной в большом каменном доме, половина окон которого выходила во двор, засаженный молодыми липами и кленами.

Обычно на литературные среды Плетнева собиралось не много людей. Сегодня же гостиная полна народа, все окна распахнуты настежь, и оттого даже на улицу доносится дружный многоголосый гомон.

— С чего бы столько гостей? — остановился Гоголь, но тут же решительно забежал на крыльцо.

Неловко поклонившись гостям, он хотел было непрямото, боком проскользнуть в дальний угол гостиной, где у окна стояло обложившее им глубокое кресло, но Плетнев тотчас же поймал его за руку.

— А знаете, паслички, — сказал он торжественно, — у меня сегодня будет Пушкин!

— Да, да! — подтверждал Василий Андреевич Жуковский, знав, как давно и страстно мечтал Гоголь о встрече и знакомстве с Пушкиным. — Он с молодой женой остановился в Петербурге проездом из Москвы в Царское Село.

— Неужели, неужели увижу? — растерянно прошептал Гоголь.

— На только увидите, но и будете подведены под его благословение! — поощебал Плетнев. — Вы только не робейте.

«Легко сказать — не робейте», — подумал Гоголь и, встрянув длинными волосами, ладоницами на лоб, порывисто пожал сузавую руку Плетнева.

— Буду как вам признается, Петр Александрович!

— Садитесь здесь, — предложил Плетнев, подводя Гоголя к круглому столу, стоявшему подле турецкого дивана, — и дайте мне сирени и поставьте ее в воду.

Услуживый, деловой и исполнительный Плетнев заведовал изданием сочинений Пушкина, и поэтому Пушкин постоянно переписывался с Плетневым. Дожидаясь теперь прихода поэта, Петр Александрович не без гордости говорил гостям, что он из-за строгой критики Пушкина бросил писать стихи, занялся критическими статьями и все еще живет под секретным надзором полиции, который был учрежден над ним еще в ту пору, когда Пушкин находился в изгнании.

Последним обстоятельством он вяно хвастал (известно было, что надзор с него уже давно сняли).

Ни один человек в России не интересовал Гоголя больше, чем Пушкин, и молодой писатель с необыкновенной жадностью слушал

все, что касалось великого поэта. Встреча с Пушкиным — это, пожалуй, был самое заветное. Но что скажет он Пушкину? Как отнесется Пушкин к нему?

Эти мысли так волновали, что, когда подали вазочку с мороженым и рюмку с крепкой вишневою наливкой, Гоголь даже не притронулся к ним. Он сидел как на иголках, поминутно оглядываясь на дверь, в которую входили новые и новые гости.

Пушкин вот сейчас придет и, кто знает, быть может, произойдет нечто совершенно исключительное, такое, что положит начало всему самому славному в жизни.

Глядя на Плетнева и Жуковского, окруженных гостями, Гоголь то расставал, то заставляла перламутровые пуговицы на орнаментальном жилете, с волнением ожидал появления в гостиной того человека, позвоня которого была окрашена вся юность, все сознательные годы жизни. Под влиянием Пушкина формировался дух, художественные вкусы; Пушкинские «Цыганы», «Полтаву», главы «Евгения Онегина» не переписывал, еще будучи нежинским лицейцем.

Знакомые и незнакомые гости, входя в гостиную, прежде всего спрашивали о Пушкине. Видимо, весть о его приезде уже облетела Петербург.

Гоголь не сводил глаз с дверей, ведущих из прихожей. Он весь внутренне напрягся и все-таки прождал момент, когда под руку со своей женой вошел Пушкин. И, может быть, поэтому прежде увидел не его, а Наталью Николаевну, ее белое, воздушное платье, золотой обруч, сверкающий на голове, ее теляно-русые волосы, вытупленный чистый лоб, отставанный черными дугами густых бровей, необыкновенно выразительные глаза, чуть-чуть косившие из-под длинных ресниц.

И, видимо, не только он, а и все гости сперва увидели жену Пушкина, и сдержанный гуд прошел по гостиной.

«Пера! красавица России!», — услышал Гоголь восторженный шепот и вскопился с места.

Он тоже был поражен красотой Натальи Николаевны, но все его внимание привлекало не она, а светлая курчавая голова Пушкина, его черный фрак, смуглое лицо в рижеватых баках и улыбающиеся голубые глаза.

Мужчины почти мгновенно окружили поэта, и Плетнев на правах хозяина первым обнял и расцеловал его.

Всею дамы оторвали Наталью Николаевну от Пушкина и в своем кругу боками и непременно зашевелили по-французски.

Гоголь как поднялся, так и стоял, не отходя от круглого стола: он верил и не верил тому, что видит Пушкина.

Много портретов Пушкина помнил Гоголь, немало знал описаний его внешности, и все равно живой Пушкин походил и совсем не походил на свои многокрасочные портреты. Нет, никогда, ни на одном портрете он так не улыбался, как сейчас, ни один художник не запечатлел подвижности его живого взгляда, прелесть его открытого улыбок, не передает того, как он обитывает и каждому из окружающих свою живую, смеющуюся глаза.

— Здравствуйте! Вот и опять свиделись! — весело говорил Пушкин, здороваясь с друзьями.

Гостиния Плетнева, казалось, только теперь наполнилась чрезвычайно праздничным блес-

ком и оживлением. Все заговорили громче, веселее. Пушкин точно излучал и распространял вокруг себя свет, энергию.

Гоголь не сводил глаз с Пушкина, который в сопровождении Плетнева и Жуковского обходил гостиную, шутя, остря, чему-то смеясь. Всем дамам он целовал руки и, видимо, одаривая их комплиментами, весело улыбался. «Благодать излучения, находившаяся! — с завистью и волнением думал о нем Гоголь.

Из уст уста мгновенно передавались пушкинские остроумия. Да, здесь, в кругу пушкинских друзей, его любия, искренне восхищались им отныть от Пушкина.

Между тем Пушкин, Плетнев и Жуковский приближались. Гоголь это видел, но продолжал стоять как вкопанный. Сердце его то замирало, то оглушительно бувало.

Рядом с Жуковским и Плетневым Пушкин казался особенно хорошо сложенным. Все у него: и лицо, и голова, и фигура — было очерчено строгой рукой природы, не любящей лишнего. Ничего нельзя было ни прибавить, ни отнять от Пушкина.

— А вот и Гоголь-Яновский! — неожиданно объявил Плетнев, подводя Пушкина. — Я тебе уже писал о нем... Он обещает очень многое и очень своеобразное...

Рядом с Жуковским и Плетневым Пушкин казался особенно хорошо сложенным. Все у него: и лицо, и голова, и фигура — было очерчено строгой рукой природы, не любящей лишнего. Ничего нельзя было ни прибавить, ни отнять от Пушкина.

Пожатые руки были цепким, энергичным. Испытывая неизъяснимое наслаждение, Гоголь все просиял и с какой-то отчаянной решимостью выпалил:

— Видеть вас — праздник.

Эти слова, неловко сорвавшиеся с уст, смутили его самого: чего доброго, покажутся они фальшивыми или напыщенными, и Пушкин сразу отвернется... Но Пушкин с необыкновенно доброй улыбкой взглянул на него. И тогда, как бы посякая только что сказанное, Гоголь быстро добавил:

— Я рос и воспитывался на ваших творениях.

Это тоже было сказано не совсем просто, но звучало искренне.

Георгий ЭМИН

В Гегамских горах

Я сядеж вечности открыт
И голос неба слышал,
Я лесно ную сложил,
Когда я в горы шшел.

Мне кажется, я становлюсь
Песчинкою,
Из мизроданья светом льюсь,
Как жизнь, как вздохновение.

И горы гордые меня
Несут к бездонной сини,
А леся, полная огнь,
Бурлит рекою в долине.

Ее подслушает старик,
И скажет он сердечню:
— Такая песня, что родник —
Вот так и пил бы вечно.

Люблю я родную мою,
Мой мир не груб, не тесен.
Я песнями лютю песю —
Ведь я источник pieno.

Перевел с армянского
Валентин КУЗНЕЦОВ.

— После того, как написал мне Петр Александрович о вас,— проговорил Пушкин,— я взял «Литературную газету» и внимательно прочитал главу из вашей повести «Учитель», там же мне попалась статья о преподавании географии. Вы что же, Николай Васильевич, хотите всерьез стать под педагогические знамена моего друга Петра Александровича?

— Как вам сказать,— замесился Гоголь.
— А почему бы молодому талантливому человеку не послужить на ниве просвещения?— вмешался Плетнев.

— Нет, уж пусть он идет окончательно под наши знамена,— сказал Жуковский.— Я в совершеннейшем восторге от его «Вечеров близ Диканьки».

— Это, что же, ваше новое произведение?— живо заинтересовался Пушкин. И тогда, несколько выступив вперед, Плетнев начал горничко и живо рассказывать, как по совету Гоголя для начала выступить не под своим именем и придумать псевдоним и название нового сочинения.

— Вот «Вечера на хуторе близ Диканьки». Повести, изданные пачинником Рудым Панюком,— говорил он.— По-моему, такое неожиданное название будет вызывать определенное любопытство.

— Да, пожалуй,— согласился Пушкин, разглядывая и как бы оценивая Гоголя.— Да, нам нужны новые таланты, нужны истинно великие книги,— молвил он тихо, удумавшись.

— А я вот и подвел тебя к Гоголю неспроста,— подхватил Плетнев.— Я подвел с тем, чтобы ты благословил его.

— Я еще, Александр Сергеевич, совсем, совсем не уверен в своих силах,— начал было Гоголь, но Жуковский тотчас же перебил его: — Скромность украшает талант, но вам можно не сомневаться в своих силах... Судя по «Вечерам», у вас, батюшка, талант, достойный того, чтобы его благословили Пушкин!

Жуковский все это сказал так внушительно, что Гоголь поднял голову и обрадовался, встретившись с потеплевшим взглядом Пушкина.

— Я еще слишком мало знаком с вами,— наконец заметил Пушкин.— Почти ничего не читал вашего, но вкусу Василия Андреевича безоговорочно доверяю. И смею думать, вы на попроще российской словесности найдете свое место.

— Ну вот, ну вот вам и благословение!— обрадованно воскликнул Плетнев.

— Ну, что я тебе — пош! — вдруг рассматривая грудным веселым смехом Пушкин и с мальчишеским озорством толкнул локтем в бок Петра Александровича.— А вот ты опять пишешь добрые критики. Когда же у тебя проремутся настоящие критические зубы?

— Мое правило — вообще не писать ничего о дурных сочинениях,— серьезно объявил Плетнев.— Я хочу учить публику читать хорошие стороны в хороших вещах.

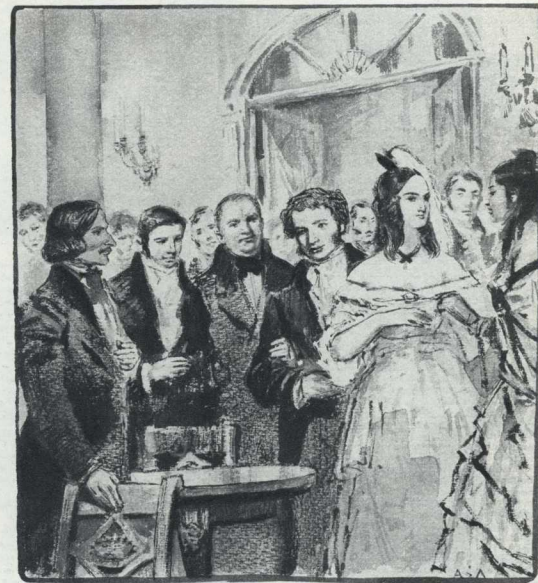
— Ну, тогда ты всегда будешь приторный! Гоголь слушал Пушкина и пьянен от мысли, что сбилось заветное: он стоит рядом с самым веселым и мудрым человеком в России, видит его пышине, с золотистой рыжковатой кудри и бакенбарды, встречается с его голубыми смеющимися глазами, слышит в нем прекрасный, богатый мыслями и живыми чувствами человек. Его, этого бесконечно дорогого человека, нельзя не любить. И Гоголь благоговейно, на мигит, с обожанием и любовью глядел и, как завороченный, дождался, что вот-вот он непременно скажет еще что-то очень значительное, решающее...

И пусть даже ничего не скажет, все равно такая знакомость с ним в жизни оторвется нечто новое и яркое — целый мир, увлекательный, яркий Пушкин непременно обогатит душу, вдохновит на нечто небывалое, даст захватывающее...

Пойдите же, господа, к столу,— тянул Плетнев друзей.— Моя Степаньда Александровна уже распорядилась подать баранину с жареным картофелем.

Во время ужина Пушкин сид рядом с женой и Гоголь нарпирт ного.

Гоголь теперь необъяснимо ясно видел, что прежде не примчал. Яркая красота стройной Натальи Николаевны не затмевала теплементарного, искрящего поэта, а как будто бы рядом с ним ступешавался. Пушкин, восмичавший Гоголя необыкновенной остротой ума, по-своему, по-пушкински, был красив и обаятелен. Не уступил Гоголь из виду и того, как Пушкин неторопливо, небольшими глотками пил белое вино, трогательно поглядывая на жену, как украдкой брал и сжимал тонкую кисть вв красивой руки.

К таклю окончился ужин, Пушкин порывисто поднялся из-за стола и начал оставаться со всеми. Возле Гоголя он на минутку остановился, говоря:

— Да, вам следуют вввести в нашу литературу Малороссию, и ее природу, и светлый образ ее веселого, добродушного народа.
«Значит, он думал обо мне»,— понял Гоголь, крепко и благодарно сжимая руку Пушкина.

— Нам нужно ближе познакомиться. Я буду жить в Царском Селе, в доме Китаева,— сказал Пушкин.— Запомните, Николай Васильевич: в доме Китаева — и приезжайте запросто.

После ухода Пушкина в гостиную вдруг образовалась какая-то ничем не восполнимая пустота... За широко распахнутыми окнами золотилось небо майской белой ночи, множество старинных свечей на столах в высоких канделябрах по-прежнему дружно пылали, однако яркость свечного пламени будто потуснела, и в большой, сразу странно притишевающей гостиной стало сумрачно.

Все начали торопливо прощаться друг с другом и расходиться.

Гости, толкаясь и переговариваясь в передней, еще разбирали свои шляпы и трости, а Гоголь уже высочил на улицу, и как бы боясь расклететь впечатления от встречи с Пушкиным, тикомко побрал в сторону Навы.

Вот оно, долгожданное знакомство! Благодаря ему как будто вознесен на вершину самого светлого греша петербургской жизни.

Сбылось, сбилось заветнейшее! Он представлен Пушкину и приглашен к нему. Волнующая мечта осуществилась. И это событие подняло на высоту не только его, оно как будто бы подняло все помислы, все лучшие чувства, а главное, укрепило светлую веру в собственное призвание.

Линку, Гоголь вышел к Неве, где все: и вода, и ширь — могучей реки, и чуткие решки гранитной набережной, и воздух — озарился светом негаснущей зари.

В широком беззвездном небе неприметно перебились шафраново-золотистые тонкие тучки, и призрачные отражения их в Неве, зыбкие и нежные, делали дождь необыкновенно нарядной и игривой.

Медленно, с уповиным перебивая все подробности встречи с Пушкиным, Гоголь шагал вдоль Невы, обошел Дворцовую площадь, и скоро очутился на Невском проспекте.

Спящие громады домов мерцали стеклами окон, отражавших ночную зарию.

Сколько раз из конца в конец прежде был пройден Невский, но еще никогда он не представлял таким нарядным и величественным, как в эту майскую ночь!

Находясь в состоянии какого-то чудесного ошеломления, Гоголь почти до самого расвета рассматривал по Невскому и только когда совсем ярко разгорелась утренняя зари, пришел домой — и, не буда своего Акимя, лег.

За окном где-то над карнизными крыш уже потурнели весело защебетали птицы, но Гоголь не чувствовал их, надейшей усталости, напротив, ему представлялось, что он еще мог не раз пройт из конца в конец многоверстный Невский.

— Вот оно, пушкинское благословение! — вспомнил он, засыпая, и по-детски счастливо смеялся.

Рашид РЫСКУЛОВ

РОССИЯ

Моя Россия, родина моя,
огромная, как небо голубое,
в котором целый день, шагает солнце,
чтобы со тебя лучами наполнить.

От бега задыхаясь, поезда
летят в твоих просторах бесконечных,
и птицы, над тобою пролетая,
десяти раз садятся отдохнуть.

И смотрят с восхищением все народы
на синовей и дочерей твоих.

Ты все преграды превратила в прах.
Для всех друзей ты сердце распахнула.
Ты посадила вечный сад свободы,
где братство всенародное растет.

Ты любишь мир! — и солнца светел взор.
Ты любишь мир! — и тает серый снег.
И ценяешь в ушах все те,
кто прочил гибель скорую твою.

Моя Россия, я твой сын, не гость.
Хотя родился и живу в Узбекистане.
Ты мой очаг, ты мать свемь моей
Тебе — и помысли мой и жизнь.

Перевод с узбекского
Михаил КУРГАНЦЕВ.

Георгий КНЫШ

НАД ШАХМАТНОЙ ДОСКОЙ

В прохладной тишине вечерней порой
Склонился два бойца над шахматной доской.
Болельщики, толпы, следят за пешкой белой:
Она из рядовых в ферзи шагает смело.
Ну что ж, с победой, друг! Объявлен черным мат.

Ты слavnый шахматист и неплохой солдат.
И воли у тебя и выдержки немало;
Когда-нибудь и ты дойдешь до генерала.

Перевод с украинского
Яков СЕРПИН.

Хамид АЛИМДЖАН

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Вот оборвался стук колес,
На полустанке поезд замер.
Анг, где я родился, рос,
Опять встает перед глазами.

В начале улицы — родник,
Как небо, солнечный и чистый.
И я взволнован приник
К его прохладе серебряной.

Перевод с киргизского
Альберт ПОНОМАРЕВ.

Кайсын КУЛИЕВ

ДЕВУШКИ СОБИРАЮТ ВИНОГРАД

Собирают девушки в корзинки
Темный виноград с отливом синим,
И журчат ручьями голоса,
Струйки рос бегут по губам сияющим,
И блестя, как виноградные, глаза.

Капельки росы на гроздьях, листьях,
На щеках, от солнца золотистых.
Изобильно дышит все вокруг,
И мелькают быстрые, как птицы,
Руки девушек в заре золотной.

Сокращенный перевод с балканского
Александра ТОЛМАЧЕВА.

ОТКРЫВАТЬ СЛУЖЕБНЫЕ РОССИИ

Километрах в четырехстах к востоку от Ленинграда раскинулся город Череповец. Десять лет назад там началось строительство промышленного гиганта — металлургического завода. Сейчас это предприятие уже дует стране туман, сталь, прокат. С появлением завода изменился и внешний вид города: выросли новые кварталы многоэтажных домов, открылись кинотеатры, книжные магазины, клубы. Изменился и самый ритм жизни череповчан, стал он более ускоренным и, если можно так сказать, более современным. Из разных городов и районов страны прибыли сюда молодые специалисты, рабочие, техники. Сейчас это большой, многотысячный коллектив. Велико стремление у молодежи к учебе, к знаниям, к книге. Из 1600 комсомольцев завода 330 человек учатся заочно в институте и техникуме. 342 человека готовятся поступить в институты и будут совмещать учебу с работой у мартовских печей, на обжимном стане, на ТЭЦ, в коксохимическом и агломерационном цехах. Вот почему у нас удивились, когда на австрийском рабочем съезде местной газеты «Коммунист» мне были заданы самые обстоятельные вопросы, касающиеся развития современной советской литературы: о новых произведениях, даже тех, которые еще только начали печататься в журналах, о творческих планах писателей. Широка знания современной литературы — вот что меня порадовало на этой встрече. Мои собеседники называли имена прозаиков и поэтов, которые за последние годы выпустили талантливые книги, но отнюдь не были избалованы вниманием критики. К примеру, череповчане живо интересовались именем сибирского писателя Франца Тургина «На Лене-реке» — писателя, несколько лет проработавшего на строительстве Братской ГЭС и в «инатуре» изучившего характеры героев своих книг и очерков. Большинство моих слушателей было самого того же или тех комсомольского возраста — двадцать — двадцать два года. Как зрелые читатели, понимающие и любящие художественную литературу, они сформировались за последние четыре — пять лет, то есть в период между двумя съездами писателей СССР — вторым и третьим, который нанмет свою работу этой весной.

За годы, прошедшие со времени Второго съезда, выросла не только вся наша многонациональная литература, но, что не менее важно, вырос наш читатель, стал более требовательным, более разборчивым и, не побоюсь сказать, более квалифицированным. Вот почему свое состояние мне захотелось начать с разговора о тех, кому предначинены и кому посвящены произведения прозы, поэзии, драматургии, — о наших читателях, читателях нового поколения, людях, активно включившихся в коммунистическое строительство. Это самый благодарный и самый заслуживающий внимания.

В период между двумя писательскими съез-

дами немало было создано произведений, которые нашли путь к сердцу молодежи. Трудно перечислить сотни и сотни книг, знавших место не только на библиотечных полках, но и в тумбочках общежитий, на этажках в колхозных избах, а то и просто в рюкзаке геолога или членам дорожной строительной, уезжающей в Казахстан, Сибирь, на Крайний Север. Многочисленным отрядом советских литераторов воссоздавался в эти годы социальный облик Советского государства и социалистического общества, которое ныне под руководством ленинского Центрального Комитета КПСС вступило в период развернутого строительства коммунизма.

Судьбы людей, с оружием в руках вставших на защиту революционных преобразований, посвящены роман «Утро Советов» Юрия Либеденко, талантливая книга уральского писателя Михайло Стельмах «Кровь людская — не водичка», эпическое повествование «Заре навстречу» Вадима Кожановича, роман «Сотворение мира» Виталия Зарукнина, повесть «Лицом к лицу» писателя Александра Либеденко.

Годы становления Советской власти, годы нпа и первых пятилеток нашли отражение в повестях Павла Нилина «Жестокость» и «Испытательный срок», в поэтических сборниках Владимира Луговского «Солнцевогорт» и «Синия весна». Сложное переплетение человеческих судеб отобразили прозаик Николай Шунди в романе «Родник у Березы». Писатель воспроизводит драматические коллизии, возникшие в предвоенные годы, и ведет рассказ о судьбах своих героев — сельских учителей, агрономов, колхозников — вплоть до наших дней.

О Великой Отечественной войне, о героизме советского народа написаны свои произведения Сергей Борзенко, Ирина Левченко, Сергей Сергеевич Смирнов, Анатолий Калинин, Александр Андреев, Юрий Бондарев. И среди всех этих книг особенно видное место занимают небольшой рассказ «Судьба человека» и новые главы из романа «Они сражались за Родину» Михаила Шолохова. Сколько людей задумалось над испытаниями и муками Андрея Соколова, так же как и автор рассказа, вновь повторяя про себя, что советский человек «может все вытерпеть, все преодолеть на своем пути, если к этому позывает его Родина!»

Да, воинству бескрайняя нива народной жизни, на которой художники призваны сеять «красивое, доброе, вечное». Какой благодатный материал дает писателю наш сегодняшний день, наш будни, наполненные великими свершениями советского человека — строителя коммунизма! Разговор о художественном отображении современности особенно горячо развернулся на Первом учредительном съезде писателей РСФСР. «Современность — душа литературы» — этот лозунг нашел горячую и активную поддержку уже писательской об-

БРИГАДА КОЧЕТОВА ВЗЯЛА РАЗБЕГ

Фото В. Темниа.

Герой Социалистического Труда Василий Кочетов.

В наши дни стало обычным творческое содружество производственников и ученых, людей труда и науки. Ученые приезжают на завод, опускаются в забой, непосредственно на рабочих местах проверяют свои расчеты и выводы. А люди труда — новаторы производства — приходят в лаборатории, институты, академии драгоценные крупицы своего опыта, обогащая науку данными практики.

Недавно желанным гостем ученых и инженеров, собравшихся в конференц-зале Института горного дела Академии наук СССР, был шахтер Василий Кочетов — Герой Социалистического Труда, бригадир комсомольско-молодежной проходческой бригады шахты № 66 комбината «Тулауголь».

Василий Кочетов рассказал о крупном успехе своего небольшого коллектива, добившегося

высоких темпов нарезки штрефов. Десяти людей слушали его рассказ, стараясь не пропустить ни слова. Да и было над чем задуматься: за тридцать дней шахтеры врубилась в крепчайший пласт угля на 1 670 метров! Такой путь под землей даже при самых жестких нормах обычно проходят за десять месяцев. Между тем условия, в которых работала бригада Кочетова, были нелегкими: обводненный участок, глинистая почва, капель, крепкий уголь! Впрочем, если проследить работу бригады в течение трех лет, то такой успех едва ли покажется неожиданным.

В ноябре 1955 года, вскоре после того, как была организована бригада, проходчики нарезали 538 метров штрефов. Так они установили первый мировой рекорд проходки. Меньше чем через полгода шахтеры установили второй. Более высокий рекорд, а затем третий: они дали 948 метров... Бригада набирала темпы, и в январе 1957 года цифра, выражающая пройденный за месяц путь под землей, перевалила за тысячу.

1958 год ознаменовался новыми достижениями: в марте бригада прошла 1 354 метра, в июне — 1 447, в декабре — 1 670. Десятилетний рекорд был седьмым по счету. Этот мировой рекорд шахтеры посвятили XXI съезду КПСС.

На этой шахте бригада В. Кочетова устанавливала семь мировых рекордов проходки штрефов.

щества. Секретарь ЦК КПСС тов. Е. А. Фурцева на XXI съезде Коммунистической партии Советского Союза отметила, что за последнее время у нас появилось немало произведений, которые можно по-разному оценивать, но в которых нельзя не видеть страстного желания авторов активно вмешаться в действительность, способствовать победе нового, передового в нашем обществе. К таким произведениям относятся новые романы Федора Панферова, Всеволода Кочетова, Галины Николаевой, Бориса Полевого, Антонины Колтаевой, писателей братских республик.

Говоря о литературной жизни в период между двумя съездами писателей СССР, нельзя не сказать о молодых, свежих, талантливых голосах, уверенно зазвучавших в последние годы. Мало кому известен был, к примеру, Анатолий Кузнецов до опубликования своей

первой повести, «Продолжение легенды», А Николай Воронов, Станислав Мелешин, Лев Панферов, Ричи Достян, Семен Штуртков, Евгений Белянкин! Не часто встречались в нашей печати и имена Владимира Гордейчева, Федора Сухова, Риммы Казановой, Дмитрия Влениского.

С новыми удачными произведениями выступили Владимир Тендрюков, Владимир Солоухин, Майя Ганина, Николай Дементьев, Анатолий Иванов, Михаил Жестев. Молодая поросль советской литературы все настойчивее и громче заявляет о себе. И то, что молодые писатели несут в нашу литературу, не может не радовать. Большинство из них присущи четкое, реалистическое восприятие жизни, любовь к своим героям — простым людям труда, богатство красок и деталей в описании человеческих характеров, в описании картин природы. Этих писателей не задела преспо-

вухват теория «бесконфликтности». Не встали они и на путь унылого «обличительства». Связь с жизнью народа, стремление быть в самой гуще событий, в среде своих героев — вот что поддерживает и открывает литературную молодежь. Нельзя пройти и мимо писков своеобразной художественной формы, новых изоморфических решений, новой техники письма, характерных для таких произведений, как, например, «Золотое кольцо» Михаила Жестева или «Владимирские просаки» Владимира Солоухина. Солоухин в форме путевого дневника, путевых записок раскрыл удивительную прелесть и богатство природы родной ему Владимирщины, показал, как душевно щедрый, трудолюбивый, талантливы его земляки — колхозники и колхозницы, земледельцы, агрономы, шоферы — весь сельский люд, который повстречался ему на дорогах владимирской земли. Щедрость земная и

Секретарь Богородицкого районного комитета ВЛКСМ С. В. Дубонос (справа) поднимает В. Кочетова и его товарищей с присвоением бригаде званий коллектива коммунистического труда.

Начальника шахты № 66 комбината «Тулауголь» Александра Ивановича Потанова часто можно видеть в штреке. Вот и сейчас, спустившись в забой, он вместе с В. Кочетовым осматривает хозяйство проходчиков.

— Мы по-новому организовали труд, — сказал Кочетов. — В этом секрет успеха. Инженеры и комбайнеры шахты разработали метод скоростной проходки. А наша бригада хорошо овладела этим методом.

Бригадир пояснил суть нового метода — простого и в то же время необыкновенно смелого, рассчитанного на ломку старых, привычных форм организации труда.

Шахтеры создали круглосуточную комплексную бригаду. Кроме проходчиков, машинистов комбайнов, в нее вошли рабочие вспомогательных профессий — откатчики породы, электромонтеры, ремонтники, доставщики леса. Вошли даже те, кто занимается вентиляцией и осушением штреков. После такой перестройки отпала необходимость пользоваться услугами подсобных «служб»: весь цикл проходки стала выполнять сама бригада. Шахтеры начали совмещать отдельные процессы: различные операции они проводили не последовательно, а одновременно, по строгому графику.

После проходчикам и более совершенная техника. На смену небольшим аккумуляторным электровозам пришли мощные, десятитонные. В шахте появились новые, шарнирнозвездовой ленточный конвейер; стало возможным устанавливать под погрузку не две, как при старом конвейере, а до тридцати пяти вагоночек.

Рассказывая об успехах бригады, Василий Кочетов как бы подводил итоги работы своих товарищей за три года. И каждый, кто присутствовал в конференц-зале института, отчетливо угадывал основную мысль, которой был пронизан рассказ знатного шахтера: не останавливаться на достигнутом, шагать дальше.

— Мне кажется, — говорил Василий Кочетов, — бригада сумеет

повысить темпы проходки. Резервы есть, они еще не исчерпаны. Нашей бригаде присвоено звание коллектива коммунистического труда. Мы рады, что начали оправдывать это высокое звание. Бригада Кочетова взяла разбег.

В сердцах шахтеров горячее желание отдать все силы решению великих заданий, начертанных XXI съездом Коммунистической партии нашей страны.

Н. ВАСИЛЬЕВ

На расширенном заседании технического совета шахты Василий Кочетов подробно рассказал о скоростном методе проходки штреков.

щедрость людская звучит как лейтмотив всей этой книги, написанной рукой талантливого поэта.

Но, говоря даже о самой добротной прозе молодых, нельзя не почувствовать во многих книгах налет иллюстративности, описательности, отсутствие, так сказать, перспективного взгляда на жизнь.

В конце прошлого года в журнале «Москва» была опубликована повесть «Подгоня Семена Шуртакова» — о молодом председателе колхоза. Автор хорошо знает то, о чем пишет: бывший комбайнер, житель деревни, он сроднился со своими героями. В повести поднята проблема взаимоотношений колхозов и МТС. Секретарь райкома Федор Степанович говорит Огозову: «Да плохо это — два хозяина на одной земле... Много, очень много, — он затаился. Но к тому времени, когда книга вышла в свет, партия и правитель-

ство успешно решили эту проблему. Многие страницы повести, таким образом, превратились в иллюстрацию уже пройденного злата в нашем колхозном строительстве.

Вторгаться в жизнь — не значит копировать вчерашний гул. Вторжение в жизнь осуществляется в полной мере тогда, когда художник нащупал общественные события, человеческие зарисовки и столкновения, еще только назревающие в действительности. Само собой разумеется, что действительность и актуальность книги и в этом случае будут определяться прежде всего ее художественными достоинствами.

Живое и благотворное дыхание современности чувствуется в произведениях молодых прозаиков, пишущих о колхозной деревне, о людях производства. Но посмотрите наши молодежные альманахи, сборники, журналы. Еще нередко на их страницах печатаются рас-

сказы и повести, герои которых действуют как бы вне времени и пространства. Авторы таких произведений чаще всего волнуют отвлеченные, вневневные вопросы. Однако давно известно, что отвлеченное морализирование ничего общего не имеет с живой, кипучей, боевой жизнью нашей молодежи, наших комсомольцев.

В обстановке всенародного подъема будет проходить Третий съезд писателей СССР. Будет советские люди с воодушевлением превращать в жизнь величественную программу строительства коммунизма в нашей стране — смелый план развития народного хозяйства. И молодым писателям здесь непочтительной кривой, творческих поисков, прекрасных открытий «золотых росышей» в сердцах и душах своих современников.

Валерий ДЕМЕТЬЕВ

ПЕСНЯ О РОССИИ

Слова

Василия КУЛЕМИНА.

Музыка

Александра КЛОКОВА.

Выйду, выйду я на заре за околицу.
Красотою мое сердце переполнится.
О Россия ты мой,
Даль бескрайная
О Россия,
Песня моя!

Над тобою проплывали тучи грозные,
Были ночи, зли, суровые, морозные.
О Россия ты моя,
Сердце верное!
О Россия,
Сила моя!

Слышу, слышу твои реки заокеанустройные.
И леса твои я слышу вечно юные.
О Россия ты мой,
Зори вешние!
О Россия,
Нежность моя!

Музыкальная партитура песни «Песня о России». Включает ноты для голоса и фортепиано. Текст песни напечатан под нотами. Музыкальные обозначения включают динамические маркеры (mf, f, rit, dim, rit), темповые указания (Andantino), артикуляционные знаки (acc) и указание на использование голоса (Vox). Текст песни: «Выйду, выйду я на заре за о... Красотою мое сердце переполнится. О Россия ты мой, Даль бескрайная О Россия, Песня моя! Над тобою проплывали тучи грозные, Были ночи, зли, суровые, морозные. О Россия ты моя, Сердце верное! О Россия, Сила моя! Слышу, слышу твои реки заокеанустройные. И леса твои я слышу вечно юные. О Россия ты мой, Зори вешние! О Россия, Нежность моя! -край, юн. я! О, Рос. си. я, пес. на мо. я! О, Рос. си. я, пес. на мо. я! -я! 2. Над то. б. си. я, неж. ность мо. я!»

БОЛЬШЕ КНИГ, ХОРОШИХ И РАЗНЫХ

Прочтешь хорошую книгу — это не только удовольствие: книга всегда сообщает что-то новое, чему-то учи.

С большим интересом читаю я произведения русских и зарубежных классиков: Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Толстого, Бальзака, Франса, Стендаля...

Но прежде всего меня интересуют книги советских писателей, рассказывающие о нашей сегодняшней жизни. Сильное впечатление произвела на меня повесть А. Кузнецова «Продолжение легенды». На мой взгляд, молодой писатель верно рисует образы рабочих людей.

Нередко приходится читать и слышать о том, что для многих писателей поиск положительного героя становится проблемой. Я думаю, положительных героев сейчас в жизни не надо долго искать. Также герои завершились в любой бригаде коммунистического труда.

Приведу один пример. В соседней бригаде коммюнистов работает девушка Светлана Д. Как-то случилось, что она стала чаевнюко выпивать, начала курить. Говорили с ней ребята, даже ругали, но толку не было. Казалось, ничто не могло остановить падение этого человека. И вот, когда нашей бригаде присвоили звание коллектива коммунистического труда, Светлана пришла и заявила: «Прините в бригаду. Хочу жить правильно...» Она сдержала слово. Недавно мы приняли ее в комсомол. Это, может быть, и незначительный эпизод, но сколько есть других таких примеров! Они показывают, как в бригадах коммунистического труда меняются характеры людей, как люди становятся духовно богаче, морально чище, красивее. Разве это не тема для хорошей книги?

Мне кажется, что советские писатели должны не только отображать сегодняшний день, наше время, но уметь заглянуть и в коммунистическое завтра. Пусть чаще появляются книги, рассказывающие о будущем общества,

книги хорошие и разные, и мы, рабочие, скажем нашим писателям спасибо.

Петр БЕЛОУСОВ,
бригадир бригады коммунистического труда, трест «Буржнмашстрой» г. Курган.

ПОКАЖИТЕ НАШ ТРУД, НАШУ ЖИЗНЬ

Когда берешь книгу, то хочешь, чтобы она авольновала тебя, показала что-то новое, расширила представление о жизни, о людях. Наше отечество — душа «Судачка» А. Борщаговского. Автор талантливо показал нелегкий труд рыбаков Камчатки, создал яркие образы простых труженников, хозяев земли.

Привлекает не только произведения, посвященные морскому промыслу, освоению целины, людям бесположных и трудных профессий. Привлекают книги, отличающиеся новизной темы.

Новая повесть Д. Гранина «После свадьбы» написана живо, с присущим автору талантом. Но, на мой взгляд, писатель искусственно усложнил судьбу героев. К тому же во второй части повести, где описывается жизнь молодых супругов в МТС, ничего нового о деревне автору не удалось сказать. Едва ли кому-нибудь покажется свежей и сама ситуация: после свадьбы между супругами начались распри. Заскучавшая жена уезжает в МТС в родной город...

А как нужны книги о молодой семье, в которой ни жена, ни муж не знают ничего!

Каждый читатель ищет на полках магазинов и библиотек «свое», особую книгу. Конечно, я с удовольствием прочел бы роман о невестушке и разведенках недр. Но мне понравятся и другие книги, только бы в них не было похожих героев и ситуаций, не было трафарета и штампа.

Анатолий КРИУШКИН,
буфетов мастер нефтегазведки г. Ленингорен, Татарская АССР.

Разговор о литературе

БЫТЬ НА ПЕРЕДНЕМ КРАЕ БОРЬБЫ

Мне довелось участвовать в строительстве ударных комсомольских шахт в Донбассе. Вспоминая такую эпоху, в занесенной снегом донской степи еще не было ни домов, ни столовой, стояла только вагончик да неподалеку маленький колхозик, на котором знакомили, что здесь будет шахта «Донецкая-Комсомолецкая». А в вагончике, на узких полках, рядом с пакетами технической документации лежали книги.

Книги на стройке были такой же необходимостью, как бурный молоток, топор, мастерок. Слова, они были у нас на вооружении и, помогали строить шахту. Думаю, что нет для писателя более высокой оценки, чем эта.

Писателю не следует узко понимать тему труда. Давно осужденные произведения, в которых стили заслонили человека. Но не прав писатель и в том случае, когда в его книге шахта, завод или колхоз служат только фоном для показа семейно-любовых кон-

фликтов. Нужно, чтобы проблемы человеческих отношений органически сливались в произведении с вопросами современности.

В этом отношении особого внимания заслуживает роман В. Кочетова «Братья Еришовы». Когда я читал книгу, мне казалось: автор вел со мной задушевные, дружескую беседу, полную глубоких раздумий о подлинном счастье, о настоящей любви, о том, какая это прекрасная должность — быть на земле человеком. Я согласен с теми критиками, которые называют новый роман В. Кочетова гимном рабочему классу.

Работая над романом, В. Кочетов приезжал в Донбасс, жил среди металлургов «Азовстали». Хороший пример для наших писателей! Наше призываю к нам на заводы и шахты, товарищи литераторы! Здесь проходит передний край борьбы за коммунизм. Долг писателя создавать яркие образы героев социализма, в которых наша молодежь училась бы жить и работать по-коммунистически.

Надара МЕДЗМАРИАШВИЛИ,
главный инженер треста
«Шахтерскийстрой»

ПОЭЗИЯ — ЭТО ПРИЗЫВ К ДЕЙСТВИЮ

Очень хочется в творчестве советских поэтов увидеть во весь рост людей труда.

Какие поэтические произведения запомнил мне! Прежде всего я называю «За далью — даль» А. Твардовского. Это вдохновенная поэма, гимн свободному труду, человеку-труженику, строителю коммунизма. На пылом пульсе современности дергает руку и многожанровый поэт С. Васильев. Его стихи, посвященные людям труда, проникновенны и гуманистичны. В боевом строю и стихи Я. Смелкова («Строгая любовь», «Перекрестки»).

На переводных рубежах находится, по моему мнению, и поэзия С. Смирнова, И. Тихонова, С. Михалкова, Р. Гамзатова, М. Рыльского, Евг. Долматовского, Л. Ошанина, Д. Павлычко, В. Бикетова (сборник стихов о шахтерах нового Львовско-Волынского угольного бассейна), В. Цыбина («Сны в степи») и других поэтов, пишущих о героях нашего времени.

В связи с этим я часто думаю о творчестве И. Сельвинского. Это

своеобразный мастер, ищущий новые пути в поэзии. Может быть, не мне, простому читателю, судить о его произведениях. Но порой кажется странным его тяготение к созерцательной лирике. Невольно вспоминаются его неудачные стихи о целине. Поэт не смог увидеть в простых паренках подлинных героев наших дней. Лет шесть семь назад много хороших слов было сказано критикой о начинавшем тогда свой литературный путь Евг. Винокурове. Евг. Винокуров создал замечательный образ сверстника, прошедшего дорогами войны от Сталинграда до рейкстада. Сейчас Винокуров по-прежнему пишет о войне. И это неплохо. Но некоторые его стихи звучат, а бы сказал, мемурно. Не пора ли поэту «освежить» свой талант на просторах колхозных полей, в светлых заводских цехах?

Лет шесть семь назад много хороших слов было сказано критикой о начинавшем тогда свой литературный путь Евг. Винокурове. Сейчас Винокуров по-прежнему пишет о войне. И это неплохо. Но некоторые его стихи звучат, а бы сказал, мемурно. Не пора ли поэту «освежить» свой талант на просторах колхозных полей, в светлых заводских цехах?

Борис ЖАВОРОНКОВ,
слесарь Рязанского завода
стено-аналитических машин

Рисунок Н. Лисогорского.

Всех молодых и даровитых
Не мог вместить рисунок наш.
И пусть не самых знаменитых,
Художник взял не чуждых,
Он представляет, несомненно,
Они предстались мне.
Вот Солухин, например,
Чем душ людских не ищущий?
Он по «Владимирским провалам»
Степеню вышел на боковую...
«Глубины» погрузив отвлеченно,
Человек окуная шаг.

За ними легче час от часу
Идет Красильникова и Парису,
Начав стихи писать толовою,
А Казанка, надев берет,
До «Полустаница» взял билет...
Беленин пошел под ногам
Обоев, воздвигнув «Вислый камень»,
Талант Малашина окрест,
И он издал «Любовь и хлеб»,
А Егущинию Евг. (Евгений)
И без того поэта, гений.

Из номен вырвал Кобзов шпалу:
Он, и достается стиглам,
Вновь полон новых смелых планов
Суровый критик И. Любков,
В жизнь милиционерского
Лагутина Илья без таланта...
Читатель лет теперь романа,
И Воробьев — в расцвете сил,
Чудесный «Тополь» он возрастил.
Мы вправе ждать от Константина
И целой рощи тополиной.

Нас восхитит в юнице июнов
Легендой новой Кузнецов,
Не будет долгого заминия
Иль поэта Гаврилина,
Волнения Благова за поэму
Возьмется снова, выбрав тему
Здесь не под видом рыбака
В нее выкинется пона,
Ну что же мы ждемду из них
Желаем новых яростинг.

М. КАРУННЫЙ

ИЗУЧАТЬ ЖИЗНИ!

Перед выездом «за поле» мы, геологи, обычно составляем список необходимых в дороге вещей. Сколько мук часто испытываешь, раздумывая, что брать, а что оставить! Но книги мы с собой берем всегда.

Нередко даже нудит у костра, в тундре, возникающие литературные споры. Чаще всего говорим о книгах, посвященных геологии. За последнее время таких книг появилось немало: «День начинается Черкисова», «Тайна Сибирской платформы» Осипова, «Там, где сходится тропа» Забелина, «Затписки кыскаателя» Бузузова.

...И вот мы сидим у костра и обсуждаем, насколько верно и глубоко автор отобразил жизнь наших собратьев по профессии. Много бывает в эти разговоры разногласий, но спорщики всегда сходятся в одном: для того, чтобы написать о геологах, надо хлебнуть не один фунт «клевонного» дыма.

Мне кажется, многие ошибки наших писателей идут от незнания жизни. Так, например, получилось с хорошим писателем А. Чаковский. Приехал он как-то к маме в Кировск, полюбил на платном руднике и написал книгу «Год жизни». Как только эта книга появилась в магазинах, кирвочные расхватали ее. Но читатель точно так же понял, что свое произведение автор создал задолго до приезда на Кольский полуостров, по схеме. А схему он оживил «местным» материалом. Командировка, возможно, была для Чаковского лишь поиском протипов, готовых уложиться в заранее подготовленные места...

Книгу, написанную хладнокровным наблюдателем, в рюкзаке не возьмешь.

ЮРИЙ КИРНАРСКИЙ,
геолог

г. Кировск.

С интересом прочел я первые книги молодых писателей. Запомнились повести: «Продление легенды» А. Кузнецова, «Молодые семнадцать лет» Л. Парфенова. Эти произведения привлекли меня, как и многих других читателей, своими острыми проблемами, взятыми из жизни.

Амеля, молодой рабочего, прежде всего интересуют книги, посвященные рабочему классу. Поэтому я с радостью встретил роман В. Кочетова «Братья Еришове». Правда, эта книга вызвала среди читателей много споров. Одним роман понравился, другим нет. Я, например, считаю удачей автора образ Дмитрия Еришова. Это душевно чистый, творчески относящийся к своему труду человек. На него хочется походить. Это наш современник, борец за коммунизм.

Много разногласий вызвал у нас также роман Г. Николаевой «Витва в пути». Мне, признаться, это произведение не совсем понрави-

лось. Есть в романе много нового, свежего. Это хорошо, и это привлекает читателей к книге. Но если внимательно прочесть роман, задумаешься в каждую ситуацию, то можно заметить: вот здесь неправдоподобно, это неубедительно, здесь неверно. Некоторые главы выпадают из ткани произведения. Это отписки прежде всего к поэтке Бахирева в село.

Наша советская литература растет, и на ее появление немало хороших книг, но есть и такие произведения, в которых не чувствуется дышания сегодняшнего дня. Прочтешь такое произведение — и непонятно, чем живет наш современник, что его волнует. Писателю надо быть в гуще событий. Только глубокое знание жизни поможет создать книги, достойные наших замечательных современников.

ЮРИЙ СЕДНЕВ,
слесарь-инструментальщик
завода дорожных машин
г. Брянск.

КАКИМ БУДЕТ ЗАТРАВНИЙ ДЕНЬ!

Я часто задаю себе вопрос: какой будет жизнь через тридцать, сорок, пятьдесят лет? Я знаю, она будет прекрасной, но мне мало о ней определено; мне хотелось бы узнать о каких-то конкретных чертах будущего общества.

Хотелось бы знать, какими же будут те люди, которые поселятся на родных землях при коммунизме? Среди них не будет ни одного хулигана, спекулянта или пьяницы. Они не будут знать, что такое суд или милиция. Возможно, что они не будут знать и о трудовых конфликтах, разладах со своей совестью.

Тысячи вопросов возникает, как только начинаешь размышлять о будущем. Но писатели наши — увы! — не хотят участвовать в твоих размышлениях! Назовите мне хоть одну книгу, посвященную проблемам будущего! Можете

быть, писатели опасаются проникать в область неведомого, боятся дискутировать?

Мог ведь Чернышевский задолго до того, как мы построили социализм, нарисовать волнующие образы будущей социалистического общества! Могли же социалистический, жилищные и условия формирования, изображать жизнь городов Солнца, городов удельно всеобщего счастья на земле!

А для нас эпоха всеобщего счастья — затравный день, предвещенный историческим XXI съездом Коммунистической партии. И одна из задач советской литературы — глубоко проанализировать этот затравный день, описать его со всей яркостью и глубиной.

Д. ПАХОЛКОВ,
конструктор автозавода имени Дзержинского
г. Москва.

ПРАЗДНИК МАЛЫХ ДРУЗЕЙ

21 марта исполнилось 40 лет со дня провозглашения Советской Республики в Венгрии. Сорвал лет назад рабочие и крестьяне Венгрии революционные правительственные власти капиталистической и провозгласили Венгерскую Советскую Республику. Владимир Ильич Ленин горячо приветствовал это событие. Он писал: «История рабочего класса ведет единственно законную, неизбежную, истинно революционную войну, войну угнетенных против угнетателей, войну трудящихся против эксплуататоров, войну за победу социализма. Эта война не знает ни чуждой, ни враждебной территории, ни чуждой, ни враждебной стороны». И Ленин говорил тогда, что вести из Венгрии «национализм нас восторгает и радостно». Это же и сейчас звучит о «нашей моральной победе».

Оранию Международной рабочей Удалье задушить Венгерскую Советскую Республику. 1 августа 1919 года советская власть в Венгрии была свергнута. В стране началась разгул белого террора. Сотни тысяч рабочих были убиты, 70 тысяч брошены в тюрьмы, компартия ушла в глубокое подполье.

В истории Международного революционного движения героическая 133-дневная борьба венгерского пролетариата за советскую власть имеет выдающееся значение. Как ни клеветнически порочили рабочие Венгрии Советскую Республику, пытаясь вызвать к жизни «незачисленный термометр» вытравить память о ней — простые люди страны, особенно рабочие, крестьяне, прогрессивная интеллигенция, продолжали поддерживать верность идеям социализма. И тогда советские воиска разгромили гитлеровскую армию, трудящиеся Венгрии горячо приветствовали освобождение, 4 апреля 1945 года Советская Армия завершила освобождение Венгрии от фашистских захватчиков. Этот день стал национальным праздником венгерского народа. 31 января 1946 года была провозглашена Венгерская Народная Республика.

Сейчас венгерский народ уверенно строит социализм. Вступил в путь социализма 3 апреля 1956 года в Будапеште на торжественном заседании, посвященном Дню освобождения Венгрии. Н. С. Хрущев, выступивший на торжественном заседании, встал на путь социалистического строительства, в которое мы идем, и сказал: «Вперед к нам в области промышленного производства, в области материального и культурного уровня жизни, в области осуществления культурной революции, открывшей перед венгерскими рабочими и крестьянами широкую дорогу на науку и знания».

Уже в 1955 году объем производства венгерской промышленности в 2,5—3 раза превышал объем производства 1938 года. До 1956 года промышленное производство в Венгрии возросло по сравнению с предыдущим годом на 13 процентов. Орания к другим вступают в строй новые предприятия индустрии.

В результате социализма в стране культурной революции число учащихся в школах и колледжах увеличилось по сравнению с 1940 годом в 3 раза, а число слушателей Университета и высших школ — в 4 раза. Успешно развивается литература и искусство Венгрии. Первые писатели, художники, скульпторы стремятся в своих произведениях правдиво отразить жизнь, показать путь псевдоревлюционных, формалистических извращений в искусстве. На вышедшем одну из картин венгерских художников, представленных на выставке изобразительного искусства социалистических стран в Москве.

Каждую среду собираются члены литературной группы Московского автозавода имени Дзержинского, чтобы почитать свои стихи и рассказы, поговорить с товарищами товарищи. Сегодня слово представлено молодой поэтессе, фрезерщице Валентине Елизаровой.

Фото В. Семенова.

Домановски Эндре.
Вышивание флага.

Выставка произведений изобразительного
искусства социалистических стран.

Ф. Решетникова. Тайны абстракционизма.

МЕРТВЫЕ ИСКУССТВО

Лет около пятидесяти назад на выставке в парижском «Салоне независимых» демонстрировалась картина «И солнце устало» Адама Марчинского. На холсте беспорядочными мазками пестрели яркие краски. Посетители подолгу стояли перед полотном, глубоко мысленно раздумывая, как дать толкование такому, что на нем изображено. Нашлись «знатоки» из среды любителей так называемого беспредметного искусства, которые зачислили картину в разряд замечательных творений. Но как-то же было удаление этих ценителей прекрасного, когда оказалось, что новоявленный «шедевр» создан ослон. Этому безобидному живописному некое молодое художничко привязали к холсту ленту, которую предварительно обматывали в краску, а сади поставили мольберт с холстом. Когда ослон давал сладости, он от удовольствия крутил ленту, оставляя на полотне беспорядочные мазки.

Случай этот — к сожалению, не анекдотический — ярко раскрывает тайны абстракционизма — многого направления в искусстве на Западе, которое в противоположность реальному искажает действительность, освобождая художника от больших задач глубокого отражения жизни. Произведения абстракционистов в основном новые, оригинальные, но на них затрачиваются огромные средства, критика без удержу хвалит их. С некоторыми образцами этого направления советские зрители познакомились на выставках зарубежных выставках в Москве.

Вот, например, полотно немецкого художника из ФРГ Е. Штеубера «Вокруг белого круга»; на нем изображены причудливые створчатые структуры, раскрасочные пятна в разные цвета. Вот шар, изборожденный непонятными линиями и пятнами, напоминающими контуры гор. Это работа японского художника Зентаро Иидыки — «Диалогам». Сочетание различных по размерам и формам красочных пятен — «Наториот» итальянца Е. Дегани. Хаотически переплетенные разноцветные полосы — такова «Всплеск» польского художника Адама Марчинского. Не пытайтесь понять смысл этих произведений. Это невозможно. Названия «Весна», «Одноглазый», «Наториот», «Вокруг белого круга», «Диалогам», не заставляют, без ущерба заменить любым другим. Все образные связи и ассоциации, которыми обычно помогают раскрыть замысел художника, здесь разорваны, разрушены, уничтожены, созданные эти произведения, отказались от той почвы, на которой только и может произрасти подлинное искусство, понятное и близкое людям. Оно превращается в бессмысленную действительность, посчитав ее обузой для своего творчества, нарушающей якобы свободу, самостоятельность художника.

Но разве задача живописца заключена в том, чтобы более или менее удачно раскрасить холст? Тисячелетиями искусство питалось жизнью. Художники разных эпох, разных стран черпали в окружающем мире образы, материалы для своих творческих. И великий итальянец Леонардо да

Винчи, и славные мастера Древней Греции, и голландец Рембрандт, и француз Шарден, и наш выдающийся художник — все имели от своего предметного источника жизни. Тесная связь с жизнью делала их искусство сильным, позволяла через многие годы понимать его, откликаться на него. Жизнь — вот тот фокус, в котором объединяются живописец и зритель, поэт и читатель.

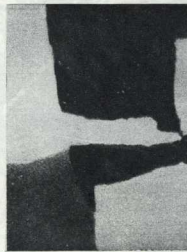
Каким же ограниченным выглядит искусство абстракционистов, если оно разводит художника с теми, кому предназначено его произведение, если оно наивно прорывает связь с национальными традициями! Искусство вне времени и пространства — не искусство. Разве можно в сочетаниях геометрических фигур и пятен, в уродливо переплетенных, теслах усмотреть отражение духа эпохи, народа.

Сожаление о затрещанном времени, чувство досады и недоумения выдают издевательские шутки, которых мы видим в таких произведениях, как «Ребенок со своей мертвой собакой» П. Ребеброва, «Обнаженная женщина» Б. Саверно, и других. Какими же у абстракционистов представления о прекрасном, если они уродуют облик человека, стремясь вытравить в нем все, что говорило бы о его духовной жизни. Ведь это прежде всего утрачивается у них безобразным.

Абстракционисты считают свое искусство «свободным художественным направлением», независимым от условий жизни, от конкретных социальных приемов, к которым они питают пренебрежение. Однако, отказавшись от традиций, абстракционисты чрезвычайно одиозно в своих изобретениях, привлекательных приемов, к которым они прибегают, стремясь вызвать зритель загоданность, таинственность изображаемого. О свободе же действительной не может быть и речи. Известно, что на Западе влиятельные буржуазные круги всячески финансируют абстракционизм, делают условия, предоставляя условия художникам этого направления для показа своих произведений и всячески ущемляя художников-реалистов. Буржуазия выгодно, чтобы искусство «свободно», глаза людей на окружающих мир, не указывало путей к решению жизненных проблем, не служило средством познания объективной действительности, не объединяло людей. Так называемая «свобода абстракционистов» — не более как фикция.

Абстракционисты считают себя новаторами. Но известно, что подлинное новаторство никогда не было самоцелью, оно всегда осмыслено новым значительным содержанием. Великие художники эпохи Возрождения открыли человека как часть природы, и все дальнейшее искусство было направлено к тому, чтобы ярче, глубже передать образ этого человека — создателя и героя. Социально-экономические сдвиги, прогресс эти поиски, как бесплодные и неудачные попытки искусства способствовать появлению в искусстве целой плеяды художников-

реалистов, на картинах которых заиграли в невиданных сочетаниях тона, отраженные все многообразие жизни в ее невообразимым богатством красок и противоречиями. Как выразительна была в их произведениях форма, да все радовало цельностью, единством, непрерываемой грандиозностью! Какое радостное звучание излек, например, В. Серов из

Е. Прамполини. Космическое явление.

контрастного сочетания света и тени, наполнив свои произведения живым человеческим чувством, огромной жизненной силой! Какое изумительное мастерство композиции мы наблюдаем в «Бурлаках на Волге» И. Репина!

Новая, социалистическая эпоха нашла отражение в полотнах талантливых художников, разных по почерку и мастерству. С. Герасимов, Б. Иогансон, А. Дейнека и многие другие живописцы выразительно передают динамику и характер великих событий современности.

В печати не раз упоминалось о том, что грандиозные события сегодняшнего дня, безусловно, требуют новых изобразительных средств, новых живописных решений. Однако следует всегда отличать поиски от пустого маниризма, бытового на эстетизм; нужно, чтобы поиски эти шли в ногу с содержанием. В самом деле, что нового в форме картин польских художников? А. Рудзинского «Фронт», Христовской «Пейзаж с луной»? А что выражает картина итальянца О. Личини «Ангел с красным сердцем»? И она лишена какой бы то ни было внутренней сущности и совершенно не поддается пониманию. Разве не отдаст шарлатанством полотно, на котором ничего нет, кроме наклеенных заголовков различных газет и этикеток, как это сделал швед Агнес Бут? Какое эстетическое оправдание дань подобному творчеству? Давнишним, пройденным и забытым ветм от этих работ, и «новаторство» абстракционистов, в сущности, лишь повторение задов формализма. В 20-х годах начал модернизм так же оригинальничать, выставляя полотна, подобные описанным. Народ отверг эти поиски, как бесплодные и неудачные попытки искусства

Безнадёжность поисков абстракционистов особенно остро ощущается, когда видишь их полотна рядом с работами реалистического направления. Кстати сказать, одна из лучших форм критики — сопоставление работ разных направлений. В залах художественной выставки социалистической страны в Москве это можно ярко наблюдать. Какими чуждыми, непонятными предстают картины польских абстракционистов среди ра-

бот реалистичеки! И разве, присутствуя в залах, мы не ощущаем немую спор о судьбах искусства и разве наглядно не видно, в чью пользу он решается? Полотно разных по манерам и почерку художников, которые утверждаются сила передовых идей, большая правда жизни, — эти полотна пользуются неизменными симпатиями зрителей.

Кто видел искусство вперед? Великие живописцы, те, кому劳动ного признали, те, кто любил человека и борется и хочет, чтобы мир, его окружающий, был еще прекраснее, чтобы людские сердца были отзывчивее, чтобы души расцветали, обогащаясь богатствами этого мира, чтобы немая связь крепла ко всему, что унижает человека, калечит его, мешает жить. Помогь людям лучше увидеть окружающий мир, утвердить веру в победу добра над злом, веру в человека, творца и хозяина жизни, — это ли не благородная задача для художников, это ли не великая цель, способная породить великую энергию!

Только неустанное стремление служить высоким идеям эпохи, только верное понимание законов развития общества, позволяющее вскрывать самую суть явлений жизни, могут привести художника к творческой победе. И как бы ни ухищрялись абстракционисты, какими бы сферическими и абстрактными мотами ни объясняли свое «творчество», жизнь победит, реалистическое направление в искусстве восторжествует всюду и даже в тех странах, где сейчас господствует искусство крайний формализм. Жизнь победит, предав забвению все противостественное, все болезненное и бесплодное, что абстракционисты и их приверженцы почему-то называют искусством.

В. АНДРЕЕВ

Г. КРАСИЛЬНИКОВ

ЧЕЛОВЕК РЕДКОЙ ДУШИ

Рассказ

Зоя Ивановна с затравленным дыханием смотрела на экран, где разворачивалась особая судьба двух молодых людей: девушка-врач, печальная детка, доле для переливания ему свою кровь; больной, поправившись, признался ей в любви, но однажды она случайно увидела в ленточке фотографии другой женщины... В этот острый момент фильма кто-то шепотом позвал:

— Зоя Ивановна, вас вызывают...
Пригнувшись, в проходке стола билетерша Кивинуя ей, Зоя Ивановна стала пробираться между рядами. Уже в дверях мелкою взглянула на экран: девушка-врач, склонив голову на стол, плакала...

В фойе Зою Ивановну встретил Федор, конюх больницы.

— Алексей Петрович послал за вами,— сказал он.— Привезли на операцию.

На улице было темно, несильно накрапывал дождь. Федор куда-то исчез, потом из темноты донесся его хрипловатый голос: «Но-но, стоять!» Зачакала грязь под копытами лошади, заклопали колеса. Зоя Ивановна пошла на голос Федора и наткнулась на колесо тарантаса. Нащупав кожаное сиденье, смахнула с него сеном воду и, усеившись поудобнее, спросила:

— Кто там привезил?

Конюх легкою подхлестнул вожжой лошады и, не оборачиваясь, проговорил:
— Девочку. За двенадцать верст везли.

Зоя Ивановна всю дорогу молча сидела за спиной Федора. Она представила себе Алексея Петровича, главного врача: вот он прохаживается по узкому коридору, заложив руки за спину, и ворчит, узнав, что ассистента пришло отсыскивать где-то в районном клубе. Сам Алексей Петрович редко ходит в клуб.

Зоя Ивановна несколько раз бывала у него дома, и ее всегда поражала сиромность обстановки квартиры. Пора бы ему иметь хорошие вещи: ведь работает почти тридцать лет, а до сих пор даже дивана приличного не имеет! Должно быть, копит деньги. А для конюхет! Живут ядомом с женой, единственный сын погиб на войне... Интересно, кто сегодня дежурит? Забыла днем заглянуть в список. Хорошо, если Георгий Ильич: прием Соснов не так ругается. Удивительный человек Георгий Ильич! Он, должно быть, сидит

сейчас на диване в конце того самого коридора, по которому вышагивает Алексей Петрович, и, немного склонив голову назад, наблюдает за главным врачом. Год назад, когда Зоя Ивановна приехала в больницу, он представлялся ей шутило: «Световидос, абориген, то бишь местный старонил». Абориген оказался человеком начитанным, в разговор то и дело вставлял латинские фразы, а потом с ласковой усмешкой объяснял: «То бишь по-нашему это будет...»

Зоя Ивановна боялась признаться себе, что и светлые волосы, аккуратно зачесанные к затылку, и припухлые губы Георгия Ильича, и даже его походка ей нравятся. Он не раз провожал ее с дежурства домой. Сестры и нянни уже поговаривали, что, возможно, скоро поуплывают на свадьбу, если их пригласят. Зоя Ивановна слышала эти разговоры, и ей становилось немного страшно: ведь Георгий Ильич такой умный, начитанный, он так независимо держится перед Сосновым, и вдруг она с ним! А как он может оставаться без! Однажды на собрании старшая сестра Неверова предложила избрать Георгия Ильича в местком, а он очень спокойно ответил: «Увольте, я прежде всего врач. И сказал это так убедительно, что никто не настаивал на предложении Неверовой.

Было в Георгии Ильиче и что-то такое, что пугало Зою Ивановну. Интересный, знающий, он так не походил на других. Когда он брал ее под руку, ей становилось немного не по себе, стучало сердце. Иногда Георгий Ильич приглашал ее в кино, а потом, прожоя домой, судил о картинах так свободно, словно препарировал: «Чередной бовени. Их делают в студии, не выезжая за черту города. Ну, подумайте, бывает ли в жизни так? В жизни люди устраиваются — и только. Впрочем, есть любопытные режиссерские находки». Так уверенно судил он обо всем.

Проехали по тряскому мостику из круглых бревен, свернули направо, и через минуту тарантас остановился. Зоя Ивановна соскочила на землю и пошла на свет, падавший из бокового окна больницы.

Вдур в темноте рядом кто-то зашевелился. Зоя Ивановна испуганно спросила:
— Кто здесь!..

В полосу света вышел незнакомый мужчина с интузищем в руках, просительно заговорил:

— Это я, дочку сюда привез... Жду вот. Зоя Ивановна догадалась: значит, его дочь будут оперировать.

каким-нибудь мужиком или колхозницей. Это вышло бы досадно, как будто бы я не сумел бы сообщить врачу что-то важное! Каждый по-своему завоевывает авторитет», — сказал об этой привычке Соснова Георгий Ильич.

— На десятиминутку выступил дежурный врач — Георгий Ильич в конце доклада он будто между прочим доложил:

— Вчерашняя операция не относится к разряду сложных. Тем более для Алексея Петровича. Но... должен заметить: девочка чувствует себя плохо. Я не хочу сказать, что наш глаубокужаем Алексей Петрович.

Соснов тяжело повернулся на стуле, взгляды их встретились.

— Ну, что же вы замолчали, Георгий Ильич? Говорите, продолжайте же! — выкрикнул Соснов.

Георгий Ильич чуть поблелел. Оглядев сидящих в ординаторской, он развел руками.

— Прошу вас, не обижайтесь, не горячитесь, Алексей Петрович. Я хочу сказать, что не исключено... неприятный исход. В этом случае ответственность ложится, к сожалению, на...

Соснов нетерпеливо перебил молодого врача:

— У вас все! — И, не дожидаясь ответа, объявил: — Прошу по своим местам!

Все вышли из ординаторской. Соснов остался сидеть за столом — сгорбленный, усталый; его большие красные руки чуть вздрагивали. Зоя Ивановна стало жаль старого хирурга. Пошли, зря Георгий Ильич заговорил с ним так резко. Может быть, и виноват Соснов, но не нарочно же он...

Зоя Ивановна прошла в свое отделение, осмотрела больных. Старшая сестра Неворова, передавая ей лекарства, шепотом сообщила:

— Алексей Петрович все ночь возле той девочки просидел. Не жалко ему себя несколько, а ведь больной, с сердцем мучается... Георгию Ильичу не надо бы так... Он хоть и понимающий, а настоящего подхода к людям у него другой раз не знает...

Закончив утренний обход, Зоя Ивановна направилась в амбулаторию. Пробежав через дворик, услышала, как ее оклинули. Отглянула — у окна перевязочной стоял Георгий Ильич, кивал ей головой. Сердце у Зои Ивановны сразу забилось неровным, тугоким толчком. Вот оно, пришло то, что непременно должно было прийти! Может, не надо заходить? Пройти мимо!.. Ноги как-то отяжелели, каждый шаг чувствовался всем телом, как будто бы кто-то прислонился к тебе.

Георгий Ильич сразу заметил, что Зоя Ивановна взволнована.

— Зоя Ивановна! — сказал он мягким голосом, не спеша, — мне давно хотелось поговорить с вами по душам. По-моему, сейчас пришло время для этого разговора.

Зоя Ивановна стояла на стуле, у нее кружилась голова, слова Георгия Ильича долетали откуда-то издалека.

— Я понимаю, вас это также волнует. У Соснова среди персонала и населения имеется определенный вес, как... авторитет... «О чем это он?.. Зачем Соснов? Хочет извиниться перед ним?».

— А характер нашего уважаемого главаря... довольно-таки неукротивый... Подобные люди рано или поздно становятся поперек пути молодым специалистам. Трагедия в том, что для Соснова прекратилась поступательное движение. Он застыл на уровне медицины тридцатых годов. Да, да!... Шагая в ногу с современной «медициной» него уже нет ни сил, ни желания. Без сомнения, в свое время он здесь представлял определенную ценность. Но... знаете ли, засохшая вершина дерева не имеет нормального развития ветвей. Помните? — Зоя Ивановна.

Она машинально кинула, силась понять слова Георгия Ильича.

— А это мертвое, как вам известно, подлетит отсеченно от живого!

Георгий Ильич стал раскладывать по кабинету. В такт своим словам он пожимал в воздухе кистью руку. Один его слог тоненько поскрипывал.

— Георгий Ильич, зачем вы об этом! — чуть шевеля персиковыми губами, спросила Зоя Ивановна и покусывала, что вот-вот заплачет. — Зачем вы так? Вы же... за другим меня звали.

Световидов сел напротив Зои Ивановны. Зоя Ивановна, подите мои правды! Я ничего не имею против Алексея Петровича. Ну да, он сделал все по-моему. Но теперь, как говорится, мавр может уйти! Он заслужил свою пенсию. Конечно, никто не может запретить ему продолжать работать... Но в это то и беда! Надо понять, что подрастает молодежь и ей нужно дать дорогу. Да, да, уступите дорогу, посторонитесь! Мне об этом говорить не совсем удобно, могут подумать... ну, мало ли чего налетит! А вы, Зоя Ивановна, нейтральнее плывите. И я прошу вас: передайте или подскажите Алексею Петровичу, что он...

У двери послышалось негромкое покашливание. Обернувшись, они увидели Соснова. Алексей Петрович стоял, держась рукой за пояс. Лицо главного врача было серым, видно, ему совершенно хотелось спать. Он тихо, но внятно проговорил:

— Девочка умерла... Вы, как всегда, оказались правы, Световидов... Да, да. И вы в этом не виноваты. Это моя вина.

Георгий Ильич встал со стула.

— Не волнуйтесь, Световидов, анкета ваша останется чистой... Вы, возможно, и в дальнейшем будете лечить болезни, но людей лечить вы, кажется, не сможете... Очень жаль: вы великий, люди и будут идти за вами. Жаль... А вы, Зоя Ивановна, не грустите, я слышал все...

Соснов медленно повернулся и, держась рукой за сердце, побрел по коридору. Он шел усталым, шаркающей походкой. И когда за ним закрывался наружные двери, Зоя Ивановна ткнулась лицом в ладони и, наконец, заплакала, забыв о человеке, который сидел в двух шагах от нее.

Через три дня хоронили Соснова. Смерть его для многих была неожиданностью, на улице люди останавливались, покачивали головами.

День выдался тихий, солнечный. Немым пламенем горели на кладбище клемя, на кустах серебряными нитями переливались лагунами заполовавшие листья.

— ...ушел от нас дорогой Алексей Петрович, человек редкой души, простой, рабочий человек. На больших руках таких людей держится жизнь на земле...

Над гробом Соснова выступал председатель райисполкома; сдерживая слезы, говорила женщина: «у не были трудные роды, и Соснов спас ее. Потом на холмик свежей глины взорвался Световидов. Он тоже говорил о тяжелой утрате, о любви Алексея Петровича к людям».

Зоя Ивановна и старшая сестра Неворова стояли поодаль, возле молодого клена. Глаза у Зои Ивановны были сухие. Тогом где-то в груди застрял твердый комочек, теснил дышанье. Неворова тихонько всхлипывала и прерывистым шепотом рассказывала — больше для себя, чем для Зои Ивановны:

— Все люди жалел, а больные — нет... Переживал, если человек в себя умирал, будто свой он ему. Вот и началось, сердце-то на всех не хватало... Как привелит ту девочку, Надо, он и говорит: «Девочка очень ждала, боюсь я за ее жизнь. Надо бы раньше сюда». Операцию-то Георгий Ильич должен был делать — он в ту ночь дежурил. А Алексей Петрович...

Военкоматосские работницы трижды выступили из занавесок, отдавая почести старому врачу: в войну Соснов четыре года был на фронте хирургом. Потом люди стали медленно расходиться. С председателем райисполкома шло Георгий Ильич, они и не успели его до конца посмотреть картину, так и не узнала она, чем кончилась история любви этой девушки к летчику. Должно быть, финал фильма был счастливым.

Ей жизни больше оказалось гораздо труднее...

Когда проходила мимо лубки, сбросил в глаза яркие обрывки кинокадров. Видны были только часть лица красивой девушки и белая косынка на ее голове. Зоя Ивановна опять вспомнила, что так и не успела ей до конца посмотреть картину, так и не узнала она, чем кончилась история любви этой девушки к летчику. Должно быть, финал фильма был счастливым.

Ей жизни больше оказалось гораздо труднее...

с. Алашино,
Удмуртской АССР.

СТИХИ

Николай ТОКАРЕВ

Строители

Много верст под звездой рассветною
Мы пролегли глухою лесною
И с настоем багульника светлого
Пилю воду из кружки одной.

Гляди в дубри мы тишь топорам,
Топоры жал змеиных остей,
Кедры падали или перед нами,
Белосная румяный кипрей.

Полосинками искрами щепки
Разлетались на бархатный мех,
Что по плану моег комсомолю
Юный город здесь вырасти мог.

Пазлы руку кистром и смолою,
Встал туман рываным соснам по груди,
И, как мост, провисал над тайгой,
На восток нас зовя, Млечный Путь.
Г. Мосина.

Валентин КОЧЕТОВ

Счастливый путь

Бегит волна. Плывут, плывут туманы,
Мигают, словно звезды, маяки.
А вперед плещет чужие страны,
А вперед — чужие океаны,
Чужие острова, материк.

Гладится ночь в бесконные отески,
«Счастливы путь!» — как будто говорит.
А счастье там, а счастье там, навеки,
На той земле, что за кормой лежит.

Счастливы путь! А путь туда проложит,
Где в тумане в бесконные отески,
Где на ветру не раз еще, быть может,
Обледене, душой не леденею.
Но как бы там ни приходилось круто
[Об этом песен неспроста поют].

Вот этой сиреной, маленькой кохоты
Не променяет ни на какой уют.
г. Мурманск.

Лариса РОМАНЕНКО

В автобусе

Мчитесь синий автобус по полям, то садам,
И со мной чернотлаз сплутница рядом.
В строгим клетчатом платье, с лицом

загорелым.
Чем-то девушка эта мне сердце задела,
Обваляном ветром, ей нравятся млатцы.

Ей уже девятнадцать, всего девятнадцать!
Мне надоедо запомнится голос, вселюль:
«Понимаю, фильму выю новосел!»
На открытом зрянке, в степи, вечерами
Океан беспокойно плочует волнами,
И в погарные даны плывут кинобы.

Дале ветер стелкает, увидев таюю.
Мы с героями фильму грустими и пели.
Ну, а дома я снова не буду недело.
Мама стает сердитая. Она и не злая,
Просто очень недвно дочерной была я,
В нашу школу на горке с этой убабля,
Просто я для нее еще взрослой не стала.

Нет, такая не сидит на папину шую.
Не знает ленино: «А что я умею!»
Мчитесь синий автобус Альминской долиной.
Проезжает автобус, отдра голубойной,
Конец яблонь веток в тумане плодами,
Едет свелая лотина в автобусе с нами!

г. Бахчисарай.

МОЛОДЫХ

Юрий ПОЛУЭКТОВ

Бабушка

За самоваром, в полусвете
Сидим, забыв, который час...
Спеллись морщинки, словно сест,
Вокруг ее счастливых глаз...

Я с детства помню эту скатерть
И лампы ветхий абажур!
Я в этой тихой, чистой хате
Всегда покой свой нахожу!

Уж за полночь, но нам не к спеху,
На завтра нет забот и дел...
И на вопрос: «С каким приехал?»
Я равнодушно: «Прилетел...»

И в мыслях стало как-то шире,
И я едва не розлил чай,
Когда она: «У-104!» —
Спросила, будто невзначай!

г. Свердловск.

Дмитрий СУВОВ

В лесу

Бегаю в лесу, как на пожаре,
Исцарапал ноги о кусты.
— Дедушка, я все кругом обшарил,
А мои корзиночки пусты!..
А старики, прищурив глаза немножко,
Говорят, заткнув за пояс нос:
— Ты ходи нехоженой доронкой,
И грибов и ягод наберешь.

г. Москва.

Анатолий ЗАЯЦ

Белый вечер

Белый вечер.
Белые березы.
Белые сугробы. Белый сон.
Белый, обесцвеченный морозом,
Необычно низкий небосклон.

Величав, в дремучести могучей
Лес молчит, в раздумья погружен,
Снегом, словно ватой, обеззвучен,
Красотой своей заворочен.

И среди вечернего покоя
Встанут на пути
Перед тобой
Ель, в снегу увязшая по пояс,
И пенек в лапaze снеговой.

...Станешь на опушке,
Удивленный,

И глазам не веришь,
Сам не свой,
Оглушенный и ошеломленный,
Ослепленный
Белой тишиной.

Ветку ели трогаешь с опасной
И, поверив собственным глазам,
Начинаешь верить
Древней сказке,
Русской сказке —
Зиминки чудесам.

г. Винница.

Михаил ЛЕЦКИН

Повесть леса

Стонут реки в рекаставе.
Стынут руки в рукавицах.
Над замерзшими кустами
Сетка снежная струится.

Ветер, ветер, принеси мне
Сказку ту, что жду я с лета.
Покажи мне в поле зимнем
Росчерк снежной дорожки.

Проведи меня по колку,
Где мелькают сплыв белок,
Где иголку за иголкой
Моет ель в метелях белых,

Где, к зимовью приговываясь,
Бродят лисы в рынках шалаш...
Я читаю леса повесть
На серебряных скрижалях.

г. Тюмень.

Нонна МИХАЙЛОВА

Снежное поле

Была метель, неистовствовал ветер,
Покуда у него хватало сил.
Потом мороз взял ледяные плети —
И снег застыл,
И вот лежит под солнцем, будто пламя —
Из каждой снежной стынущей волны.
И каждая хранит следы недавней
Нешуточной метельной кутерьмы.
Вон та, косматая, что выше прочих многих,
Сопровитялась, видно, горно.
А эта вот столплась ветру в ноги
И самым низким вышла по плечо.
Так и бегут те волны друг за другом,
Раскинув сотни теней голубых.
А ветер вновь зачерпывает плугом,
И новый снег уже заносит их.

г. Саратов.

Изяслав КОТЛЯРОВ

Приход юности

На миг учебники оставит в стороне,
С улыбочкой окошко распахнет,
И, дав дорогу в комнату лесу,
Беседу с ней, как с другом, поведет...
Расскажет ей про лучшие надежды,
И вдруг добавит,

робость отстраняя:
— Вот песни о любви
чужими были прежде,
А нынче все как будто для меня.

г. Могилев.

Викторий ОРЛОВ

Шторм

Десять баллов цена погодики.
Я на валах встаю рулевым.
Стонут с хрустом перегородки,
Будто ребра ломают им.

Обессилело судно в схватке.
Борт полаяло, слезало леера.
Но уже с берегов Камчатки
Танут руки проектора.

г. Москва.

Альберт НАЛБАНДЯН

Весна

Сойдут снега под небом синим,
Встряхнутся реки ото сна,
И станет ясно, что отныне
Над миром властвует весна.

Она приходит к нам с цветением,
С плавающей льдиной голубой,
С прозрачным ветром,
С птичьим пением,
С дымящей первой бороздой.

Но чтобы мы ценить умели
Нраву разбухнутой земли,
Нужны морозы, и метели,
И декабри, и февраль!

г. Орджоникидзе.

ЭТА ТЕМА ЖДЕТ АВТОРОВ

В нашей стране родилось новое патристическое движение: оно рождено за задание коллективного коммунистического труда. Это движение развернулось уже широко, люди стремятся не только работать, но и жить по-коммунистически. Наши рабочие, например, посещая народный университет культуры, организованый при заводском Дворце культуры. Они слушают лекции о жилищной, литературе, музыке, встречаются с артистами, учителями, поэтами. Рабочие стремятся быть культурными людьми.

Но и это еще не все. Люди задумываются над новыми отношениями между собой, особенно на принципах коммунистического общества. Стараются больше помогать друг другу, крепче дружить, быть предельно честными, искренними.

Писатели, наверное, не прогут много этого. Но должны прийти! Их долг — создать произведения, отражающие все одну интересную, своеобразную ступень в развитии нашего общества. Пусть скорее появятся книги о людях коммунистического труда, о новых людях, которые готовят себя жить при коммунизме. И пусть эти книги не просто описывают события, пусть они подкажут нам, что значит жить по-коммунистически. Ведь не секрет, что многие еще представляют себе это смутно и односторонне.

С нетерпением ждем таких книг.
Николай ЕРМОЛОВ,
помощник машиниста

ДОРОГУ МОЛОДОМУ СОВРЕМЕНИКУ

В последние годы появилось много произведений о нашей действительности. Читая с каждого дня. Читаясь и вернувшись этим книгам, чувствуешь, что герои их не «выдуманы», они живые люди, очень похожие на тех, кто окружает нас. А окружают нас всякие и сильные люди, и хлюпки, и даже подлые. Да, и такие еще не переверлись. Есть они и в книгах (в книгах даже больше, пожалуй, чем в жизни).

И вот как будто все правильно в книгах, многое волнует, трогает, а вместе с тем чего-то не хватает. Я понял: не хватает того, что литературного героя, который поднялся бы над всеми остальными, как в свое время поднялся Павка Корчагин! Не хватает в литературе молодого современника, который стал бы идеалом.

Большинство положительных героев почему-то ущербны. Либо их сгибает груз совершенных некогда ошибок, либо кто-то не понимает их, кто-то завидует. Почему-то особенно много неспасших в любви!

А ведь в жизни много людей сильных, настоящих и в то же время счастливых. Как в свое время был Уралаше! В нашем обществе, среди моих товарищей...

Мы с ребятами часто думаем: строит наша молодежь домами, поднимает целину, закладывает новые города. Кто они, эти молодые люди? Ну, хорошо, есть среди них «суберниши». Но в пер-

вых-то рдах настоящие люди, под влиянием которых переписываются и эти, «суберниши». В перлах-то рдах Корчагин!

Быть может, потому, что я рабочий, я с нетерпением жду хорошей книги о парнях, которые отчаянно трутятся, вымывая за

жизнь стала казаться неинтересной.

И если кто помог мне тогда окончательно не упасть духом, так это умные, настоящие друзья — книги. Конечно, тогда я не сознавал, что это они помогают мне. Просто много читала и

ло больше. Надо, чтобы книги учили нас правильно жить, отлично работать, крепко дружить, чтобы расквашенный хлеб, торая не старится даже тогда, когда старятся сами люди.

Будьте всегда нашими друзьями, ведите нас в красивую жизнь, книги!

Ирма МАШАРАГОВА,
револьюционистка

ВОЙНУ ЛИТЕРАТУРНОМУ БРАКУ

Были у меня однажды такой случай. Визл в библиотеке книги (завернул расквашенный хлеб) прочитал несколько перлов стрипти-пола и бросил. Неинтересная! А товарищ мой говорит:

— Нарписто ты так. Книга хорошая. Только терпение надо, чтобы прочесть ее.

Я опять взялся за книгу и снова бросил: терпения во мне оказалось меньше, чем в товарище. Тогда товарищ переказал мне ее. И я заслушался. Оказалось, содержательная, умная, интересная книга, только уж очень плохим языком написана. Прямо как техническая брошюра.

Получается сейчас как у нас, станочников. Сделал рабочий деталь — нужную, дефицитную, сделал правильно: и размеры удед, и материал взял тот, который нужен. А обработал эту деталь плохо: не отполировал поверхность, оставил заусеницы, — и, когда стали пригонять деталь к машине, она не подошла. Собрешки ябросили деталь в брак. А ведь была она совсем хорошей! Мне только не отделана как следует.

Особенно трудно и бесцветен язык книг, переведенных на русский язык с языков народов СССР.

Мы, рабочие, серьезно боремся с браком на производстве. Объясните и вы, товарищи писатели, смертельную войну литературному браку!

Василий БЕЛОУСОВ,
рабочин, студент 5-го курса
зачинного отделения
индустриального техникума

ОБРАЗ КОММУНИСТА

Мы всегда тепло и с любовью говорим о нашей Коммунистической партии. Мы идем в партокм, если нам турудно, если нужна помощь, — и требуем решить важный вопрос. Мы только не шагу стлживаемся с сильными, спокойными и целеустремленными людьми — коммунистами, равняемся на них, берем с них пример. Но не часто удается встретить в нашей литературе хорошо написанный образ коммуниста — коммуниста по духу, по убеждениям, по образу его жизни. Чаще всего в литературе встречаются это партокм или другой партийный работник, который обязательно кого-то применяет, что-то улаживает, кому-то читает мораль.

А хочется, чтобы жила в книгах рядовая великая Коммунистической партии, те, кто не по партийной должности, а по партийной совести выполняет нелегкие поручения, воспитывает молодежь, ищет и защищает ответственные участки работы. И хорошо, если придут в книгу коммунисты двадцатых, тридцатых годов. Они многому нас научат.

Юрий ГЛАДИК,
технический инструктор

Г О В О Р Я Т

Еще не расступились перед стрелками тайга, еще ринли нотопованы под фундаментами гигантских чехов Уралаша, а на одном из баранов уже висела самодельная, но рини написанная вывеска: «Библиотека».

Уставше, чумазые, приходящи в библиотеку прямо со смены рабочие, осторожно, чтобы не испачкать притянутой к стене, полученные книги за пазуху и потом, лена на руках в барака-временные, допоздна читали Чехова, Достоевского и Горького.

А сегодня на Уралаше густая сеть библиотек, филиалов, передвижных: они есть в шахтах, в клубках, в молодежных общежитиях. Ниинский фонд на Уралаше составляет более 150 тысяч экземпляров, а читатель здесь — около 20 тысяч. И большинство из них — молодые рабочие.

Они очень заняты, эти молодые рабочие-уралашащевы: они как приверженцы работы и учатся. Для них книга — настоящий и настоящий язык в шахтах, в клубках, в молодежных общежитиях. Уж если ты друг, не лги ни одной строчкой. Если ты друг, не лги по большой дороге!

В молодежных общежитиях завода часто спорят и говорят о книгах, о нашей советской литературе. Некоторые рабочие даже иудут своеобразные девизы, куда записывают впечатления от прочитанных книг, свои мысли и рассуждения о литературе.

Сейчас особенно обострился их интерес к произведениям соидельного героя. Уралашащевы спорят за ходы Первого учредительного съезда писателей РСФСР с читательской неделей начала работы Всесоюзного съезда писателей.

Простые, рядовые читатели, они поднимают свой голос за дальнейший расцвет родной советской литературы.

УРАЛАШАЩЕВЫ

смену по две — три пары, а вечером садятся за парты в школах, техникумах, институтах да еще увлекаются спортом, вершат бесспорные комсомольские дела. Таких парней на Уралаше большинство. Таких людей в нашей стране очень много. Они и есть герои сегодняшних книг. Пусть будут они и литературными героями.

Федор КУРОГЯТИК,
стропаль, студент 1-го курса
вечернего отделения Уральского
политехнического института

ПУСТЬ КНИГА ВЕДЕТ В ЖИЗНЬ

Бывает, сделаешь первый самостоятельный шаг в жизни — и растеряешься. Так и со мной случилось. Закончила машиностроительный техникум, получила специальное образование, а пришла на завод — мне предложили место ревбондифонщика, простого рабочего. Училась, училась и вроде куда-то назад... Разве не растеряешься?

Попробовала а осенью поступить на вечернее отделение политехнического института. И опять неудача: провалилась на экзаменах. Тут и решила я, что мечта об окончании технического вуза неосуществима. Мне даже и

через книги лучше узнавала жизнь. Оказывалось, что в жизни героев этих книг трудности встречались во много раз более серьезные, чем мои, но эти трудности были не в силах разрушить человеческую мечту.

И много думала о красноречивых героях книг (Фадеева «Молодая гвардия». Ведь как они жили, как боролись! И духом не падали. А все потому, что цель, к которой они стремились, была великой. Я сопоставила их жизнь со своей, и мне стало стыдно. Таким незначительным показалось мое горе!

В эти же дни я прочитала книгу Веры Шербаковой «Девушки». О таких же, как я, рабочих девушках, о том, как они трутятся на заводе, учатся, работают. Книга оказалась интересной, события, описанные в ней, трогали своей правдивостью. Казалось, будто это о нас написано (в нашей комнате тоже четыре девушки живут и тоже все рабочие). И вот через эту книгу я будто новыми глазами свою жизнь увидела. И если прежде она казалась мне безинтересной, теперь оказалась значительной. Своей профессией — рабочницей! — я гордись стала.

Прежде я любила лишь те книги, в которых описывались «интересные», необычные события. Теперь я люблю книги, которые помогают идти по жизни. Такие книги есть, но надо, чтобы их бы-

СОВЕТЫ СТАРШИХ

Высокая требовательность и строгая благожелательность и начинания писателя, истинно хозяйское отношение и литература, о которой говорил еще Горький, определяют взаимоотношения советских писателей со старшими поколениями и литературой молодежи. Своими советами, чутким вниманием и работам начинающих авторов известные прозаики, драматурги, поэты помогали молодым литераторам обрести творческую зрелость, мастерство.

Крупнейший советский писатель А. С. Серафимович вел активную переписку с начинающими авторами. В публикуемых ниже письмах А. С. Серафимовича К. Н. Шевчеруриной (из Украины) и М. Ситникова (работнику железнорудного транспорта в Харькове) и в частности требовательный критик и в то же время внимательный друг. В письме и начинающему литератору рабфаковцу К. Н. Юнову драматург А. М. Афиногенов глубоко поистинно-художественно анализирует образы и ситуации. Радостью за творческие успехи поэта С. П. Щипачева проинтервьюировал Ал. Толстого.

Творческого и трудолюбивого у писателя такое шествие, это зато столько молодых талантов, столько новых имен вступает в литературу, в результате этой работы в Центральном государственном архиве литературы и искусства СССР и публикуются впервые.

В. КОРИУНОВА, М. СИТНИКОВЦА,
сотрудники Центрального государственного
архива литературы и искусства СССР.

Тов. Шевчеруриной!

Прочтала я Ваш рассказ «Слушай в отпуске». Две вещи Вам нужны: учиться и возможно меньше писать, чтоб иметь возможность как можно больше работать над каждой строчкой.

Учитесь языку у писателей. Да читать надо не на полках карьеры, а медленно, всматриваясь в каждый образ, в каждый оборот.

Надо внимательно всматриваться, как большие писатели строят свое дело. Надо учиться языку. Надо учиться грамоте.

Будете ли Вы писателем? Не знаю. Да и никто не скажет. Но ухватка у Вас есть художественная, только уж очень она стесная — учиться надо.

А. СЕРАФИМОВИЧ

15/Х—1928

Тов. Ситников!

Мне понравилась обе Ваши вещи. Вам надо расти. Основное: не только набирать одну какую-нибудь старину, черту человека, но взять по возможности с разных сторон.

Особенно дан только на паровозе. А какой он в семье? Как он со своими братьями? А как он относится к своему ученику? А есть у него друзья и как они с ним? Попытка — по этим сторонам.

Учитесь этому у Льва Толстого. Он ставил человека с сотнями людей, ставил человека в сотни положений, и тогда человек со стороны обрисовывается, т. е. предельно. У Вас человек — не одноклассник.

Не спешите, работайте до упаду. Думается, у Вас есть зерно творчества.

А. СЕРАФИМОВИЧ

24/IV-1938

Дорогой Степан Петрович!

Спасибо Вам за Вашу книгу. Это — поэзия, названная остроумно, добрая, высокая. Свообразная у Вас особая лирическая ирония. Это несколько роднит Вас с Гейне, но там ирония была замешана на подлинной, у Вас ирония от большой любви к жизни и ее прекрасным проявлениям,

которые так быстротечны и хрупки: от сопоставления большого и малого.

Очень прошу Вас, живите и думайте по-своему. Поэзия — это большая удача. Пишете ли Вы прозу? Мне кажется, Вы должны писать. Очень хотелось бы с ней познакомиться, если это так.

Ваш Алексей ТОЛСТОЙ

6 сентября 1940 г.

Уважаемый т. Юнов!

Песю Вашу («Шаблоны») прочтала. Хочу побеседовать с Вами по вопросам, в ней затронутым.

1. Песня, как род литературного произведения, обладает наибольшей силой воздействия, глубинной впечатлительностью и широтой диапазона. Слово, произнесенное со сцены, разносится и повторяется в миллионных «тиражах». Понятно поэтому, каким ответственным должно быть это слово — способное разъяснить, возбудить, или — если это неверное, злое — раздражить и сбить с правильного пути.

2. В песне Вы подняли большой для себя вопрос о «шаблонах». Оставлю пока в стороне литературную и драматургическую технику. Говорю о существе дела, т. е. о мыслях, выраженных Вами через персонажей песни. И вот — эта самая мысль о «шаблонах» о заезженных идеях, о разнообразии и сдвоенности мысли — вернутому Вами со всей полнотой логических и образных доказательств. Кривцов говорит зло, льдяное деспот, образцы. Да и по своему его разговору — разлагают окружающих... Кривцов получает в Вашей песне великодушную площадку для убедительной пропаланды своих идей... А Вы? Вы сами — эти идеи разделяете?

3. Если Вы разделяете идеи Кривцова — тогда Вы правы в обрисовке роли и образа его — его места в песне и сыгрой его действительно контрастно-идеологическим монологом... Но тогда наш спор или беседа в Вашем переходе из области художественной критики произведения в область политических аргументов... а мне думается, что Вам и самому ясно, насколько определено лицо Кривцова, как социального типа, несмотря на

то, что он выходит из самой иншечной среды... а может быть именно поэтому, так как люмпен-пролетарий никогда не отличался устойчивой революционным образом мысли и действий — и история знает случаи, когда такой вот люмпен-пролетарий — толпа в крови рабочие восстания.

4. Если же — в этой полскости и я беседую с Вами — Вы, как художник, подметили в окружающий Вас среде элементы кривцовщины — разговоры, мысли, слуховые и поступки, подобные выведенным Вами в песне, — то задачей Вашей является наиболее полное и убедительное разоблачение с Кривцова, всех его идей, и образное же противопоставление ему нашей действительности во всем ее многообразии и красноте, столь не похожей на шаблонные мысли Кривцова, губающегося в трех соснах эгоизма, злости, недовольства жизнью.

5. Между тем — такого разоблачения у Вас не получилось. Кривцову возвращают шаблоныными фразами об эгоизме и стирательстве. В речах противников Кривцова — Кривцов может поперныть новые доказательства шаблонности. Почему так вышло у Вас?

Потому что В с а м и еще не знаете — как нужно спорить с Кривцовым, что ему надо противопоставить, как расположить материал песни против Кривцова, а не за него... без наивной схематичности и примитивности... В этом неудача Вашей песни... Отсюда ее идейная порочность, которая влечет за собой художественную слабость вещей. Образы, полужитейные разработаны поверхностью, наною, наспех... образ Кривцова, Залютковского, Кузнецова — интересное, живое... Песю нельзя považывать так, как она есть... Нанесена она логичным языком, зачастую просто литературно слабо и синтаксически неправильно.

Т.б. Шевчеруриной
архивы в Ваш рассказ «Слушай в отпуске»
Ваша книга понравилась: учиться —
важно! меньше писать, чтоб иметь возможность как можно больше работать над каждой строчкой.
Учитесь языку у писателей? Да читать надо не на полках карьеры, а медленно, всматриваясь в каждый образ, в каждый оборот.
Надо внимательно всматриваться, как большие писатели строят свое дело. Надо учиться языку.
Надо учиться грамоте.
Будете ли Вы писателем? Не знаю. Да и никто не скажет. Но ухватка у Вас есть художественная, только уж очень она стесная — учиться надо.
А. Серафимович

Я подчеркнул ряд наиболее неудачных в этом отношении мест. 6. Выводы: Подумать такую тему надо с гораздо большими идейными силами. Учитесь Вам надо... это хорошо, что Вы читаете много... важно только, чтобы чтение проникло в Вас, формировало Ваши мысли и чувства в определенном направлении и давало Вам силу вступить в бой с самыми мощными противниками, куда более сильными, чем Ваш Кривцов, который в этом отношении — подал Вам на обе лопатки...

Надо, кроме того, учиться писать — не по учебникам мысли, а по лучшим образцам мировой драматургии, «слишком и чувства в определенном направлении и давало Вам силу вступить в бой с самыми мощными противниками, куда более сильными, чем Ваш Кривцов, который в этом отношении — подал Вам на обе лопатки...»
Надо, кроме того, учиться писать — не по учебникам мысли, а по лучшим образцам мировой драматургии, «слишком и чувства в определенном направлении и давало Вам силу вступить в бой с самыми мощными противниками, куда более сильными, чем Ваш Кривцов, который в этом отношении — подал Вам на обе лопатки...»

Значит — идейное осмысление жизни. Большая философская (не пугайтесь этого слова) продуманность мыслей, которые Вы превращаете в художественные образы... Чтение. Серьезное и постоянное. Работа над словом, искреннее уничтожение всего наносного. «Литературщина» — как ржавчина раздвигает начинающие таланты.

Трудно Вам писать. Верю и понимаю. Слова утешения вряд ли помогут здесь. Но если найдете в себе силы — пройти сквозь самое трудное — дальше все будет легче и лучше... Не зря узнаете!

Жму руку.

А. АФИНОГЕНОВ

1935 г.

ГОГОЛЬ В ПЕТЕРБУРГЕ

В нашем городе сохранилось много памятников, связанных с жизнью и творчеством И. В. Гоголя. Многие просят здесь, восемь лет — с 1828 по 1836 год. Именно в эти годы сохранился талант «поэта действительной жизни», гениального реалиста-сатирика. В Петербурге И. В. Гоголь начал богатейшую творческую деятельность. Здесь он встретил шаркающую столицу юного, недавно окончившего Нежинский институт, только спустя год после приезда в Петербург начал писать рассказы, очерки — стать писцом в одном из департаментов. В течение двух лет московской Гоголь танцевал чиновничью танцу. В этот безрадостный период своей жизни он переменял несколько квартир. В начале 1830-х годов переехал в Шаляев, уже не существовавший дом аптекаря Трутня у Кузнечкина моста. Там Гоголь и впервые бывали Мюссенисы улича, заселенных преимущественно петербургской беднягой.

В годы чиновничьей службы в департаменте Гоголь и литературе и искусству не ослабевало. По вечерам, в свободное время, он занимался живописью в Академии художеств, встречался с известными литераторами. Издатель Плетнев и поэт Жуковский познакомили его с Пушкиным, который в это время добился в литературе, дав второстепенную роль в «Вечерах на хуторе близ Диканьки».

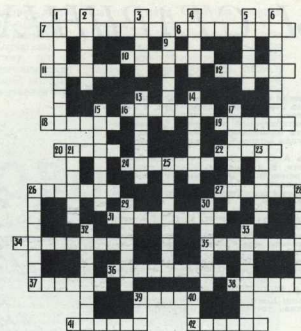
В 1833 году молодой писатель обосновался в доме придворного музыканта Леопольда Маюль в Малой Морской улице, значившемся тогда в частной «Книжной» № 97. В «Ревизор» Гоголь

точно указал этот адрес: Триницкий ящик «в доме изумрудно девятую седьмью, поворот на двор в третьем этаже, направо...» Квартира состояла из двух крошечных комнатенек. Одна из них, отделенная перегородкой от прихожей, служила спальней, другая, более просторная — рабочий кабинетом. Здесь были написаны повести и статьи, вошедшие в «Миргород», «Арабески», бесценная комедия «Ревизор», начато «Мертвые души». Из этой квартиры писатель ходил в Петербургский университет, читал лекции по всеобщей истории и в Александринский театр — на репетиции «Ревизора».

По инициативе цензора Иванцова, «примора» «Ревизора» надела много шума. Реакционная критика обвиняла Гоголя в клевете на «справные круги», называла его «детищем реакционной полиции». Лицензионная комиссия предложила прекратить творческую работу в Петербурге, автор «Ревизора», ставший к тому времени уже известным писателем, в 1836 году был вынужден покинуть столицу. Только спустя три года он снова посетил Петербург, пославшись служить в квартиру Плетнева, а затем у Жуковского в служебном корпусе знаменитого адвоката.

С тех пор прошло более ста лет. Именно И. В. Гоголь Малая Морская улица. Несмотря на звание Адмиралтейства установлен пост писателя, а на Малевской площади ему выданы памятник, модель которого выполнена вальдун скульптором В. Буслевым — выпускником Художественного института имени И. Репина.

И. В. ГЛОВАЧИН
г. Ленинград.

По вертикали:

1. Герой повести «Шинель».
2. Великий актер, современник Гоголя, исполнявший роли гроднчанского «Ревизора».
3. Город на Днестре, упоминаемый в повести «Странный человек».
4. Писа одного из сыновей Манuilова.
5. Рукавиц из повести «Ночь перед Рождеством».
6. Омолащик из «Мертвых душ».
7. Мордвин, главный герой известной гоголевской комедии.
8. Художник из повести «Шинель».
9. Главный действующий лицо повести «Несеный prospect».
10. Писатель комедии «Кентилья».
11. Визитер, герой рассказа почтмейстера из «Мертвых душ».
12. Писья Гоголя.
13. Великий русский живописец.
14. Клузины из повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем.
15. Художник из повести «Несеный prospect».
16. Писатель вольнолюбивой литературы, исполнявший роли Марии Антоновны в «Ревизоре».
17. Отставной военный, жених в комедии Гоголя.
18. Мавляев-сборочник на произведений Гоголя.
19. Писанский, введенный М. П. Мусорским в повесть «Несеный prospect».
20. Писанский, часто упоминает Гоголь в «Вечерах на хуторе близ Диканьки».
21. Сочинитель повести «Вечера на хуторе близ Диканьки».
22. Бродячий украинский музыкант, упоминаемый в

К Р С С В О Р Д

Составил Б. Феодоров

По горизонтали:

1. Одноактная пьеса И. В. Гоголя.
2. Комедийный образ, ставший нарицательным для обозначения проходимца, хвастуна, вальдунца.
3. Действующее лицо из «Сорочинской ярмарки».
4. Каказ из повести «Странный человек».
5. Герой повести из сборника «Миргород».
6. Один из персонажей поэмы «Мертвые души».
7. Река,

на берегу которой героини погби Тарас Бульба.
- 8. Ремесленник из повести «Несеный prospect».
- 9. Персонаж из «Сорочинской ярмарки».
- 10. Город, где учился Гоголь.
- 11. Тип самовара в «Мертвых душах».
- 12. Герой повести «Несеный prospect».
- 13. Писанский в повести «Несеный prospect».
- 14. Бродячий украинский музыкант, упоминаемый в

III. РЕШЕНИЕ ЭТЮДОВ

Этот раздел олимпиады состоит из десяти композиций различной степени трудности. За правильные решения выставляются баллы, от одного до семи. Самые трудные — от двух до четырех баллов. Наивысшая оценка — восемь баллов.

Срок присылки решений — 15 дней сего года.

Шашечный этюд — это искусственно составленная позиция, в которой одна из сторон (обычно белые) добивается выигрыша или ничьей. Решить этюд — значит найти форсированный путь к достижению цели при любой, даже самой изобретательной игре обороняющейся стороны.

От позиции такого рода встречаются в обычных партиях, в которой одна из сторон отличается тем, что они отдают целую руку ходов обороняющейся стороне. Например, в этюде на доске не должно быть ни одной бездействующей фигуры (иногда исключение допускается

лишь для короля); каждая фигура или пешка обязана участвовать в игре, даже в побочном варианте. Решение этюда должно быть оригинальным и красочным, связанным с оригинальной идеей и красивой комбинацией. Однако в отличие от решения задач разрешается использовать вступительным ходом.

Решение этюдов всегда доставляет большое удовольствие истинному любителю шахмат. Это увлекательное занятие весьма полезно для тренировки, для совершенствования умения играть.

Этюды

1

Белые начинают и выигрывают (1 балл).

2

Белые — Кр4, Л3, Кв8, п. f6 (4 фигуры).

Черные — Кр6, Л18, п. e7, f5, h7 (5 фигур).

Белые начинают и выигрывают (1 балл).

3

Белые — Кр4, п. b4, g2, g4 (4 фигуры).

Черные — Кр4, п. b4, g2, h6 (4 фигуры).

Черные начинают и выигрывают (1 балл).

4

Белые — Кр6, Л17, К18, п. a2, b6 (5 фигур).

Черные — Кр6, Ф3, Св5, п. a3, a7 (5 фигур).

Белые начинают и делают ничью (3 балла).

5

Белые начинают и выигрывают (1 балл).

6

Белые начинают и выигрывают (2 балла).

7

Белые — Кр6, Ф1, Ка8, п. a4, b3, b6 (6 фигур).

Черные — Кр6, Ф18, Св5, п. a5, e6, h6, h7 (8 фигур).

Белые начинают и выигрывают (2 балла).

8

Белые начинают и выигрывают (2 балла).

9

Белые начинают и выигрывают (3 балла).

10

Белые — Кр4, Кв2, Кв1, п. b6, c2, a3, e3, h2, h3 (9 фигур).

Черные — Кр6, Ф17, К11, п. a5, b6, h5, h6 (7 фигур).

Белые начинают и выигрывают (4 балла).

11

Белые начинают и выигрывают (2 балла).

12

Белые — Кр3, Св1, Кв8, Кв7, п. a2, c2, a5, a2 (8 фигур).

Черные — Кр5, Ф4, Л1, К1, п. a6, a6, e4, e3, g5 (9 фигур).

Белые начинают и делают ничью (3 балла).

13

Белые начинают и выигрывают (4 балла).

14

Белые — Кр3, Св1, Кв8, Кв7, п. a2, c2, a5, a2 (8 фигур).

Черные — Кр5, Ф4, Л1, К1, п. a6, a6, e4, e3, g5 (9 фигур).

Белые начинают и делают ничью (3 балла).

15

Белые начинают и выигрывают (2 балла).

16

Белые начинают и выигрывают (2 балла).

17

Белые начинают и выигрывают (2 балла).

18

Белые начинают и выигрывают (2 балла).

19

Белые начинают и выигрывают (2 балла).

20

Белые начинают и выигрывают (2 балла).

21

Белые начинают и выигрывают (2 балла).

22

Белые начинают и выигрывают (2 балла).

Первая страница олимпиады посвящена портрету работы Ф. М. Гоголя, а Государственный Третьяковский музей. Четвертая страница посвящена фотографии этюда А. Гарина и его

Главный редактор М. А. Величко.

Оформление В. Урина.

Адрес редакции: Москва, Д-47, 1-я улица Якимово, п. 28. ТЕЛЕФОНЫ: Секретариат — Д-334-24. Отделы — рабочей молодежи, литературы и искусства — Д-331-66, студенческой молодежи — Д-335-24, очерка и публицистики, физкультуры и спорта, информации — Д-336-90, оформления, иллюстриции — Д-334-22.

Рукописи не возвращаются.

Редколлегия: Г. Гуля, Е. Долматовский, Н. Жуков, И. Зонов, М. Лукин.

Технический редактор О. Шюнова.

Ракушка

К погу в дом забрал дружок привезий.
Он посетил морские побережья полныи,
И, всевозможных впечатлений полный,
Где-то был до утра рассказывать по волни.

И ночью так:
— Захлопни дверь погуге
Да к морю поезжай! Не пожайнешь, друме,
Вот поестра!— Гостя достает ракушку,—
Прям в подарок эту безделушку,
Совсем не приметельна на вид.
Но ты послушай, как она шумит!
Ты слышишь грохот волн в бушующем
просторе,
Как будто в ней самой живет частица моря!

Ушел приятель. Пылная беседа
Ушла и у него доносуда.
Встала у него воображене
Морских пучин угрюмое движенье.

И корабли, и всплывши маяк...
И в заторуже тинется рука...
Под шум ракушки в домике поэта
Были замечены «Ирморские рассветы».
Вослед за ним пошли другие циклы.
Читатели к тем циклам голос подадут,
Чуть свет, ракушка голос подаст,
И днем поет,
И вечером поет.
Поет о море синем неустанно,
Однообразно, скучно и туманно.
Певца заванимчал, знаетсь,
Ни с кем не хочет делиться,
Виночку бандагу одолев слезь,
Мне,— говорит,— навеки не испишась,
Поспоколю у меня ракушка в доме есть!

г. Рязань.

Ег. ОСИПОВ

Рисунки Е. Гурова.

КРИТИК-ДИПЛОМАТ

О всех стихах судил похвально:
«У Пушкина оригинальней».

ДВА ОСЛА

Осел Ослу в минуту откровений:
«Вы не осел, а просто гений».

г. Симферополь.

Р. КИРЕЕВ

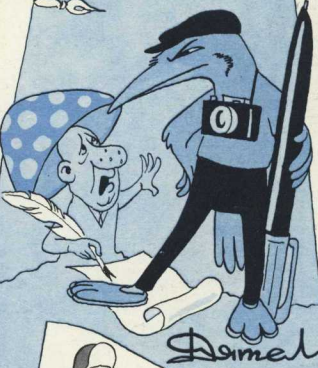
РЕЗОННОЕ ЗАМЕЧАНИЕ

Писатель Лев Пишикореев
Сидел до вечера в пивной,
Бутылоч разных батарею
Уставил он перед собой.
Он крикнул вдруг:
Я тоже Лев!
И тоже с бородой густой,
Ей-богу, не сойти мне с места,
Так, стало быть, и в Толстой!
Не сместь мне больше этот сыр,—
Я напишу за два присеста
«Хаджи-Мурат», «Войну и мир»,
Я перед буржуазие в ответе!
Я буду знаменит везде!
Но тут официант заметил:
— Нет, дело, брат, не в бороде!

Роман КОГАН

г. Орел.

ЭПИГРАММЫ

БЕСКРЫЛЫЙ ПОЭТ

Хотел подняться на Парнас орлом,
Но грохнулся и подползая от бессилья,
Нич, не взлететь туза с одним пером,
Для этого нужны большие крылья!

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОМАР

Сил не имел он для больших полетов,
Всю жизнь кружил над тинистым болотом.

ПИСАТЕЛЬ-ОТШЕЛЬНИК

В пыли архивной все родник иснал,
Листами пожухлыми титался,
Потом людей живых пугаться стал,
И так в архиве навсегда остался.

И. БАХТИНОВ

с. Абрамовна, Воронежской обл.

МЕЖДУ ПРОЧИМ

— Вообще повесть неплохая, только вот главный герой у вас оледен и худосочен.
— Это потому, что он в первой главе два раза гриппизи наших делов и праделов.

Иного писателя можно смело назвать дедским писателем: в своих книгах он, как правило, рассказывает о делах наших делов и праделов.

Некоторые писатели помнят лишь о том долге, который остается за издательством.

Книжка для детей была написана до того слащаво, что после ее чтения дети болели золотухой.

Выступая на собраниях, совещаниях и читательских конференциях, литератор из года в год делится своими творческими замыслами. Чтобы превратить эти замыслы в жизнь, у него не оставалось времени.

В очереди о пустыне было столько воды, хоть ведрами черпай.

В. ЕЛОХИН

Цена номера
2 руб.

